ISSN 1829-0485

Вестник
Российско-Армянского Университета

гуманитарные и общественные науки

(11)

Издательство РАУ

№ 2/2011

Российско-Армянский (Славянский) университет

Печатается по решению
Ученого Совета РАУ

Вестник РАУ

(серия: гуманитарные и общественные науки)

(11)

Издательство РАУ

№ 2/2011

ОГЛАВЛЕНИЕ

СТАТЬИ

УПРАВЛЕНИЕ «СИЗИФОВЫМ ТРУДОМ»: К ПРОБЛЕМЕ КРИЗИСА ТРУДОВОЙ МОТИВАЦИИ

В.А. Мирзоян

Боги не без оснований полагали, что нет кары ужаснее,
чем нескончаемая работа без пользы и без надежды впереди.
А. Камю
«Миф о Сизифе»

В античных мифах существует, как известно, четкое «разделение труда»: Прометей был наказан за любовь к людям (для них он похитил огонь с Олимпа); Эдип, со своей трагической судьбой, стал психоаналитическим персонажем; Тантал пострадал из-за своей непомерной гордости, безрассудного стремления состязаться с бессмертными богами; Геракл – герой-освободитель; Нарцисс – символ гибельного самолюбования; странствия Одиссея обозначают долгое и мучительное возвращение домой и т.д. Таковы культурологические клише в научной и художественной литературе, публицистике и обыденной речи. Точно так же функционирует выражение «Сизифов труд». Во всех дискурсах, это – перифраз пустого, бесполезного занятия. Сизиф посмел нарушить естественный ход вещей, сумел обманом вырваться из царства мертвых и потому был наказан Зевсом: Сизиф вкатывает в гору огромный камень, но едва достигнув вершины, камень вырывается из рук, скатывается к подножию горы, и Сизиф вынужден вновь и вновь поднимать камень в гору. Тяжелая и бесполезная работа – такова, повторяем, господствующая интерпретация сути мифа о Сизифе.

Для Камю же этот персонаж древнегреческой мифологии – «Сизиф, пролетарий богов» – интересен в момент спуска с горы: для него «Сизиф и есть герой абсурда», поскольку в промежуток между очередными восхождениями в гору, в этот краткий миг он – хозяин своей судьбы, именно здесь коренится «молчаливая радость Сизифа». Камю, таким образом, ищет «на-

дежду» для Сизифа вне труда (хотя в сугубо технологическом плане спуск также является элементом Сизифова труда: ведь спускается он ради того, чтобы заново поднимать камень, причем не так важно, что камень этот один и тот же). Нас же интересует отношение Сизифа к самому «труду». Какова его собственная мотивация? Если бы у Сизифа-исполнителя был бы управляющий (супервайзер), то какими рычагами он мог бы регулировать трудовое поведение своего подчиненного? Это вовсе не праздные вопросы. Камю пытается сообщить смысл существованию Сизифа, более того, призывает читателя «представить себе Сизифа счастливым», но только вне труда, посредством мимолетного освобождения от процесса труда. Но если исходить из посылки, что смысл человеческого труда следует искать в самом процессе трудовой деятельности, а не вне его, то мы должны признать, что выражение «Сизифов труд» наиболее точно отражает суть одного из тяжелых недугов современной цивилизации – кризиса трудовой мотивации.

В целом, возможно троякое понимание «кризиса трудовой мотивации»:

а) свидетельство низкого уровня заинтересованности непосредственного субъекта труда в возможно более эффективной трудовой отдаче (проще говоря – нежелание работать);

б) проявление низкой эффективности практики внутриорганизационного управленческого воздействия на фактическое трудовое поведение персонала (неумение руководства по-настоящему заинтересовать персонал);

в) доказательство неверных подходов теоретиков менеджмента при раскрытии сути закономерностей трудовой мотивации личности и формулировании инструментально пригодных рекомендаций (неадекватное теоретическое отражение реальности).

О слабой (или ослабевшей) мотивации к продуктивной работе среди всех социальных слоев современного общества свидетельствует множество исследований. Некоторые теоретики даже констатируют, что «количество демотивированных людей значительно больше, чем мотивированных»[1]. Общее недовольство как концептуальным, так и прикладным уровнем современных теорий мотивации выражается в весьма недвусмысленных, порой и агрессивных оценках. Действительно, «рынок наводнен множеством гуру и их сверхпривлекательными книгами, обещающими легким путем достичь немедленных и поразительных результатов»[2]. Да и самим аналитикам приходится констатировать «недостаточную мотивацию» (lack of motivation), «масштабный кризис мотивации» (huge crisis of motivation), глубокий «мотивационный разрыв» (motivation gap) между теорией и практикой управления труда, что заставляет организациям тратить огромные средства на специальные курсы для высшего и среднего менеджмента, мотивационные тренинги, аналитическую работу и т.п.[3]

В последнее время предприняты попытки преодоления кризиса мотивации своего рода «промежуточыми решениями», когда бизнес-консультанты, недовольные ситуацией и особо не вдаваясь в существующие теоретические разногласия, предлагают различного рода практические рекомендации по управлению мотивацией персонала, правила поведения для «преуспевающих управляющих» и т.п.[4] Так, английские инструкторы по подготовке персонала Шейла Ричи и Питера Мартин в предисловии к монографии «Управление мотивацией» не скрывают своего недовольства концептуальным уровнем теоретических разработок и особенно их практической малопригодно-

стью в качестве мотивационного инструментария: «Идея этой книги возникла из безвыходной ситуации.... Тщательный анализ существующей литературы ни к чему не привел»[5]. Выделив 12 основных мотиватора, они составили некий «Мотивационный профиль» в качестве теста для самих работников и, одновременно, практического руководства для менеджеров.

Очень трудно не только аутентично анализировать, но и полностью выявить причины кризиса трудовой мотивации, если мы ограничимся лишь особенностями непосредственного контакта руководителя и подчиненных, как работодателя и наемных работников или как двух сторон экономического взаимообмена типа «труд и вознаграждение». Разумеется, личные экономические запросы, равно как и другие, связанные с материальными обстоятельствами, личностные характеристики основных акторов трудовой ситуации отражаются на их диспозициях и реальном поведении (в основном из-за них возникают «локальные кризисы» мотивации в виде недовольства мерой вознаграждения, стилем работы руководителя, характером межличностных взаимоотношений и других форм трудовых конфликтов). Однако, лишь в рамках абстракций теории «экономического человека» руководитель и подчиненные нацелены исключительно на экономические соображения: в реальной жизни они входят во множество взаимосвязей как в трудовой ситуации, так и вне труда. Поэтому, например, «кризис доверия» между руководителем и подчиненными – это вовсе не сугубо психологический или социально-психологический факт. Доверие между управляющими и управляемыми как весомый фактор эффективной совместной деятельности возможен лишь при определенном совпадении ценностных ориентаций сторон, при определенном типе культуры управления. Вот почему мотивационный кризис следует воспринимать и анализировать в более широком плане – как одно из проявлений современного цивилизационного кризиса, с его основными компонентами – финансово-экономическим, экологическим, образовательным, демографическим, этнокультурным, духовным, моральным и т.п. Корень всех кризисных явлений – мировоззренческий кризис, в основе которого болезненная смена системы ценностей, происходящая как на уровне отдельной личности, так и в глобальном масштабе. Поэтому анализ причин мотивационного кризиса проливает свет и на причины иных кризисных явлений.

Как ни парадоксально, но возросший в последнее время теоретический и практический интерес к личностному смыслу труда – одно из наиболее весомых свидетельств кризиса трудовой мотивации. Не секрет, что сфера трудовой деятельности людей является познавательным объектом для целого ряда научных дисциплин, и в принципе их исследовательский интерес имеет преимущественно прагматическую детерминацию: ни одно общество не может существовать, обеспечить свое нормальное воспроизводство без постоянного труда, и этот императив ставит перед наукой и технологией задачу все более глубокого постижения закономерностей трудовой деятельности и возможно более полного их использования ради максимально эффективного производства материальных и духовных благ. Таким образом, главный вопрос научного познания – «как надо работать?». На долю же философии (а также религии, искусства, морали) остается вопрос «ради чего работать?». Хотя этот вопрос, требующий раскрытия личностного смысла труда, маловажен с прагматической точки зрения, однако в конкретных решениях первого – технологического – вопроса всегда имплицитно содержатся также ответы и на второй

вопрос. Действительно, правящая элита всегда старалась разными способами – философскими доктринами, религиозными догматами, этическими кодексами – обосновать трудящимся ради чего им (но не тем, кто наставляет или заставляет других работать) следует трудиться, в чем смысл их каждодневной работы. Тем не менее, главенствовал первый вопрос. И важно понять, что это – вовсе не выбор самой науки. Ведь наука – как развивающаяся система знаний – в онтологическом плане лишь посредник между обществом и практикой. Поэтому и начинать следует именно с понимания посреднической роли науки управления: теоретическая разработка теории мотивации к труду в конечном счете определяется той цивилизационной средой, где выполняется и управляется труд. Интерпретация труда в рамках античной культуры как исключительно рабского занятия (т.е. ответ на вопрос о смысле человеческого труда) не только не способствовала, но и помешала основательным поискам путей эффективного решений первого вопроса – «как надо работать». Для свободного гражданина античного мира не только сам труд был непристойным занятием; таковой была и сама организация труда, в том числе и задачи мотивации: не зря же Аристотель управление трудом рабов считает опять-таки рабским трудом[6].

Глубинное противоречие подобной позиции заключается в следующем. Если мы считаем раба лишь «instrumentalis vocalis» – говорящим орудием, т.е. лишаем его имманентно присущей человеку субъектности – способности к целеполаганию, то как же мы можем управлять его мотивацией, направлять трудовую энергию? Разве возможно мотивировать лопату или топор? Значит, «instrumentalis vocalis» все-таки отличается от «instrumentalis mutum» – немых орудий труда и «instrumentalis semivocalis» – живых орудий – вьючего скота. Необходимость выжить и есть суть трудовой мотивации раба: ведь его жизнь и смерть в руках у хозяина: в этом и заключается ключ к власти хозяина и действенность управленческого воздействия. Не работать, не удовлетворять своим трудовым поведением требования хозяина (или надзирателя – воплощающего волю хозяина) значит попрощаться с жизнью. Вместе с тем, из истории известно, что «говорящие орудия» портили орудия настоящие, ломали их и таким образом выражали свою социальную агрессию. А разве это не является «кризисом мотивации»? Разумеется, сама постановка проблемы «мотивация раба» была для той эпохи чуждой, и невозможно указать на наличие какой-либо концепции, тем не менее, здесь самый настоящий кризис, поскольку исполнитель труда сопротивляется процессу труда.

Две эти стороны теоретических и практических проблем реального побуждения к эффективному труду по-разному отражаются в различных дисциплинах – экономике труда, психологии, трудовом праве, социологии и др., но в методологическом плане наиболее полно они разработаны в рамках теории менеджмента в качестве одной из основных функций управления – мотивации. Нет недостатка в различных концепциях, хотя в интерпретации сути феномена мотивации авторы в принципе едины: мотивация – это процесс побуждения человека к продуктивной деятельности. И надо сказать, что именно в этой сфере наиболее ярко проявляется прогресс менеджмента как общей науки об управлении. Строго говоря, субстанциальное понимание мотивации к труду начинается именно с осознания личностного смысла труда, несводимого к стимулирующей роли зарплаты и других внешних факторов.

Для «экономического человека» проблема познания мотивации не существует вовсе: ведь и так все понятно — человек трудится ради материального вознаграждения, и если так, если мотивация известна, значит остается лищь задача эффективного ее использования, этого единственного «wage motive». Говоря конкретно, это — задача обеспечения «справедливого» воздаяния за труд, совершенствования форм оплаты труда, лучшего использования ресурсов, налаживания надежной системы контроля за исполнительским поведением и т.п. Нежелание же у людей трудиться, «работа с прохладцей», низкая производительность, явные и скрытые формы саботажа — все это от «природной лени» человеческого существа, низкой сознательности, недостатков воспитательной работы и т.д. Подобная интерпретация есть по сути дела одно из проявлений позитивизма, это не что иное, как онтологический натурализм, ставящий знак равенства между трудом как исключительным достоянием вида Homo Sapiens и «животным» трудом — инстинктивной целесообразной деятельностью, а также «работой» технических средств. И хотя животное тоже «трудится» ради пропитания, а техника «вкалывает» не хуже человека, тем не менее старая истина (и вовсе не гомоцентристский снобизм) состоит в том, что, действительно, «пчелы производят, но не трудятся».

Здесь главное — понять качество истинно человеческого труда («истинно», т.е. отличное и от стадии «собирательства» — этих доорудийных, по точному определению Карла Маркса, «первых животнообразных инстинктивных форм труда»): в чем же его отличие от инстинктно-генетической целесообразности действий животных и от искусственно внедренной в технические средства целесообразности (и даже от эндогенной целесообразности у техники ближайшего будущего)? Отличие в том, что труду человека присуща не просто целесообразность (по этому критерию инстинкт животных чаще пока держит верх над нашим разумом). Эта целесообразность является следствием целеполагания: суть известного сравнения труда «наилучшей пчелы» с трудом «самого плохого архитектора» состоит именно в указании на то, что человек, «прежде чем строить ячейку из воска, он уже построил ее в своей голове»[7].

Труд человека — целеположенная целесообразность. Человек — единственное животное, наделенное способностью ставить цели. Лишь человек, в отличие от животного и техники, является субъектом труда (равно как и субъектом общения и познания). Субъектность и есть потенция целепола-гания. Субъектность человеческого труда означает также и осознанность, осмысленность как целеполагания, так и процесса достижения, реализации этих целей. Французский философ и социолог Жорж Фридман еще полвека назад в своей книге «Вдребезги разбитый труд» афористично сформулировал эту сущностную характеристику: «человек — больше, чем его работа» (l'homme est plus grand que sa tbche)[8]. Человек, действительно, не только делает то-то и то-то, не только выполняет свои трудовые обязанности, не только исполняет, но и осмысливает свои действия. Потому-то и Сизиф из древнегречской мифологии мучился, исполняя свой «Сизифов труд», поскольку он — человек, а не бездумная машина.

Разумеется, в системе «управляющий — управляемый» цели исполнительного труда задаются субъектом управления. Но сама логика их системного взаимодействия такова, что заданные извне цели превращаются в собственное целеполагание исполнителя. И даже когда цели не просто ставятся перед ним, а принуждаются ему, как, например, при рабском труде, даже в этих условиях

раб является полноценным субъектом труда: ведь именно он, а не его господин входит в непосредственный технологический процесс, осознанно направляя его к заданным целям, к получению искомого результата. Первоначально цели собственного труда имеют для раба лишь внешний, чуждый смысл, но благодаря процессу труда все чудесным образом трансформируется. Вывод этот для нас и за нас (и за самого раба) сделал Гегель: раб, как «служащее сознание», уже в этом процессе труда выступая как «работающее сознание», «приходит к самому себе.... оно становится собственным смыслом именно в труде, в котором, казалось, заключался только чужой смысл»[9]. Вне всякого сомнения, гегелевский анализ диалектики труда, если даже был бы понятным рабу, склонному к рефлексии, то, тем не менее, был бы безоговорочно отвергнут им: он-то с радостью поменялся бы местами со своим хозяином, и ни один здравомыслящий человек не может обвинить его. То же самое касается фактически и мировоззренческо-теоретической эволюции практики управления трудовым поведением людей, долгого пути преодоления не только позитивистского упрощения личностного смысла и социального значения человеческого труда, но также и искажающих истинный смысл труда житейских стереотипов, морально-религиозных догм, политических лозунгов и программ.

Понимание труда как самоценной и потому (в потенции) самоцельной человеческой деятельности, как занятия, смысл которого для трудящегося может находиться в самом этом занятии — это понимание далось теоретической рефлексии совсем не легко. Ведь так убедительно мнение Платона (высказанное как-бы мимоходом и потому не требующее аргументации): разбогатевший ремесленник вовсе не склонен совершенствоваться в своем ремесле, наоборот (поскольку он больше не вынужден работать ради пропитания) «скорее он будет становиться все более ленивым и небрежным»[10]. Потребовались века, прежде чем на политическую сцену вышел класс предпринимателей — деятельных людей, которые бросили вызов господству феодальной аристократии, утвердили ценности «этики труда», подняли на социетальный уровень идеал «человека, создавшего себя» (self-made man). На долю идеологов ранней буржуазии выпала задача философского обобщения произошедшей цивилизационной революции. И именно Гельвеций впервые увидел в труде нечто большее, чем средство заработка: «Сколько разбогатевших ремесленников продолжают заниматься своим делом, покидая его с сожалением, когда их принуждает к этому старость.... Труд во все моменты жизни есть удовольствие, неизвестное вельможе и праздному богачу»[11]. Разумеется, ему не чуждо и понимание труда как средства для других целей — удовлетворения разнообразных потребностей жизни: «Каждый удар топора вызывает в памяти плотника мысль об удовольствиях, которые должна доставить ему оплата его рабочего дня»[12].

Таким образом, неудивительно господство интерпретации труда как средства производства материальных и духовных благ (социальное значение труда) и как занятия человека ради заработка (личностный смысл труда). Труд — предметная, продуктивная деятельность, но (в рамках подобной интерпретации) сама деятельность как процесс имеет ценность лишь с точки зрения создаваемого продукта. Процесс, не ведущий к полезному результату, не является трудом как в плане социального значения, так и в плане личностного смысла. При таком подходе вполне естественно то, что когда Адам Смит

попытался определить «ценность труда» и с этой целью во главу угла поставил трату работников собственной энергии в процессе труда, то сам этот процесс он охарактеризовал как «потерю» работником определенной доли свободы, счастья и здоровья (мера этой потери и должна, по Смиту, служить основой для «справедливой оплаты»)[13]. «Потеря», «пожертвование» оправдываются материальным вознаграждением: в этом суть концепции «экономического человека» (homo economicus), начиная от Платона до Смита[14], от практических нововведений в сфере заработной платы Фредерика Тэйлора и Генри Форда до современных (и весьма эффективных) форм использования экономического фактора — премий, бонусов, предоставление акций компании, дополнительных льгот и т.п. Главное с точки зрения нашей проблематики то, что от концепции «экономического человека», ставящей акцент на вознаграждение за результаты труда, ускользает возможность вознаграждения работника самим трудом, в процессе самого труда.

Логическим развитием догадок Гельвеция и диалектических замечаний Гегеля стала позиция Карла Маркса, прежде всего его концепция сути и причин феномена отчужденного труда. Касаясь оценки Адамом Смитом труда лишь как процесса «жертвоприношения», Маркс считает, что тот совершенно прав, когда фиксирует негативное отношение работника к собственному труду. Но вместе с тем, «помимо этого эмоционального отношения индивида к своей деятельности, труд все же есть еще кое-что иное....»[15]. И здесь он по сути использует гегелевскую аргументацию, поскольку обращает внимание на то, что сам труд предоставляет работнику это «кое-что иное» именно как целеположенная деятельность. Во-первых, работник, независимо от внешних факторов, должен функционировать в системе предметной, орудийной, производительной деятельности в качестве деятельного субъекта: это и значит, по формулировке Маркса, что «труд есть определенное отношение самого индивида к обрабатываемому им предмету и к своим собственным трудовым способностям»[16]. Во-вторых, он должен реализовать поставленные перед ним цели, и опять-же в самой продуктивной деятельности, в труде «внешние цели теряют видимость всего лишь внешней, природной необходимости и становятся целями, которые ставит перед собой сам индивид, следовательно, полагаются как самоосуществление, предметное воплощение субъекта, стало быть, как действительная свобода, деятельным проявлением которой как раз и является труд»[17]. Однако работник наемного труда — труда, по социальному характеру, «антагонистического», «не добровольного», «вынужденного», «принудительного», «внешнего» — не может воспринимать труд в гегелево-марксовой интерпретации. Ведь труд его — не просто опредмечивание, а отчуждение субъекта от собственной деятельности. Отчужденная деятельность в том и состоит, что «труд является для рабочего чем-то внешним, не принадлежащим к его сущности»[18]. Используя ключевое понятие «потребность в труде», Маркс создает резкий контраст с характером отчужденного труда: «Это не удовлетворение потребности в труде, а только средство для удовлетворения всяких других потребностей, но не потребности в труде»[19].

Если обобщить логику эволюции философского понимания сущности и смысла труда по линии Гельвеций—Гегель—Маркс, то получается следующая картина. Гельвеций первым угадал, что труд может быть не только средством для других целей, но самостоятельной целью, желательным для субъекта труда занятием. Гегель объяснил, почему это так, в силу каких факторов труд-цель,

труд-деятельность может быть предпочтительнее, чем труд-средство, труд-результат. Маркс попытался выяснить, что же следует делать, чтобы осмысленный труд не оставался умозрительной конструкцией, а стал бы реальной задачей коренных социальных преобразований. Марксова позиция создала новую методологичекую базу для понимания соотношения «труд — осмысление — поведение», тем самым и для истинно внутреннего управления трудовым поведением человека. Лозунг «освобождение труда» зазвучал по-новому, вполне предметными стали целевые установки соответствующих программ, политических документов и движений.

Опыт советского общества дает нам основание для утверждения, что преодоление отчуждения от труда могло стать реальностью благодаря глубоким и последовательным социально-экономическим и политическим преобразованиям. Не случайно, что руководитель Советской России В.И. Ленин через два месяца после Октябрьской революции в своей программной статье «Как организовать соревнование?» главным рычагом построения нового строя считал созидательную мощь самих трудящихся, «широкое, поистине массовое» проявление их предприимчивости, соревнования, «смелого почина» благодаря коренному изменению смысла труда: ведь впервые вместо «каторжной», «постылой работы» появляется «возможность работы на себя, и притом работы, опирающейся на все завоевания новейшей техники и культуры»[20]. И каким бы печальным не был конец советской цивилизации, факт, что для нескольких поколений советских людей именно социальное значение труда служило основой для личностного осмысления собственной деятельности, породило трудовой энтузиазм, дало массу примеров (как ни странно сегодня звучит) «самоотверженного» труда. Увы, в конечном счете социальная реальность оказалась иной: в силу массы организационных ошибок и политических деформаций столь четко сформулированная цель — «великая смена труда подневольного трудом на себя»[21] не была достигнута; сформировавшаяся партократия — партийно-государственная верхушка как раз принудила огромную массу народа к «подневольному труду»; у самого Ленина уже в апреле 1918 года акценты смещаются в сторону «железной дисциплины во время труда», «беспрекословного повиновения» воле советского руководителя[22]; одна из программных задач построения коммунистического общества — задача «превращения труда в первую жизненную потребность» советских людей так и осталась на страницах партийных документов и в рамках теоретических рассуждений обществоведов о «преимуществах» эпохи «развитого социализма».

Вернемся к философскому анализу проблемы. Линия Гельвеций — Гегель — Маркс завершило понимание возможности личностного смысла труда, на долю Ленина пришлась неудавшаяся попытка его практической реализации. Здесь, как и во многих (но не всех) моментах взаимоотношения теории и практики марксизма-ленинизма мы должны различать марксизм как теоретическую рефлексию над социальными проблемами от ленинизма преимущественно как практику политического решения проблем в кратчайшие сроки. Потому и крах социальной практики советского строя (требующая, разумеется, всестороннего анализа со стороны не только философов, но и представителей ряда других научных дисциплин) вовсе не равнозначно краху марксизма как социальной философии, и прежде всего, концепции смысла человеческого труда. Ни одно исследование, отдающее модную дань антимарксизму, не может обойти марксову философию труда.

Теоретический прогресс в сфере трудовой мотивации можно кратко охарактеризовать следующим образом. Ныне в литературе преобладают два подхода с соответствующими названиями: «содержательные» теории (content theories) и «процессные» теории (process theories). Первая группа интерпретирует трудовую мотивацию изнутри (intrinsic motivation): та или иная потребность личности превращается в поведенческий мотив, направленный на удовлетворение данной потребности, то есть действует цепь «потребность–мотив–цель» («need–drive–goal»): это – общая позиция всех концепций содержательного плана, хотя состав потребностей и их иерархия весьма разнятся у различных авторов (Генри Муррей, Абрахам Маслоу, Фредерик Герцберг, Клейтон Альдерфер, Дэвид МакКлелланд и др.). Сторонники процессных концепций (Виктор Врумм, Эдуард Лоулер, Лайман Портер, Джон Адамс, Эдвин Локк и др.) фактически акцентируют внешние факторы (extrinsic motivation), саму мотивацию рассматривают как проявление связи между ожиданиями личности и его усилиями, то есть действует цепь «усилие–поведение–вознаграждение» («effort–performance–outcome»).

Подробный анализ всех концепций требует специального и более объемного рассмотрения. Отметим лишь главное – в них нащупывается взаимосвязь смысла труда и мотивационной сферы личности, и соответственно предлагаются способы урегулирования этой взаимосвязи. Вот почему только тем концепциям, которые берут начало с 70-х годов прошлого века, соответствует название «менеджмент, создающий мотивацию». Подобная задача, повторяем, не стояла перед предыдущими школами менеджмента: для них мотивы трудовой деятельности уже известны, остается ими управлять. В рамках «научного управления» акцент ставился на регулирование трудового поведения подчиненных и контроль, а не управление их желанием трудиться. Более того, поскольку им приписывается определенная (экономическая) и неизменная мотивация, то в целом неизбежен и принудительный характер системы мотивации. Свое кредо управленца Фредерик Тэйлор сформулировал совершенно четко: «Только путем принудительной стандартизации методов, принудительного использования наилучших орудий и условий труда и принудительного сотрудничества можно обеспечить это общее ускорение темпа работы»[23].

Диаметральная противоположность новых концепций классическим моделям трудовой мотивации – это понимание императивной необходимости исследования внутренне присущих каждой личности потребностей, создания и регулирования адекватной мотивации. Наиболее весомое доказательство смены парадигмы – это основополагающая идея «менеджмента, создающего мотивацию» о необходимости регулирования трудового поведения человека не через внешнее воздействие, а именно через труд – «managing through the work itself»[24]. Именно «через труд» – через призму личностного осмысления должны пройти все предлагаемые мероприятия по «обогащению труда», внедрению «принципа доверия» к работнику, гибкого рабочего времени, «индустриальной демократии», «партисипативному менеджменту», перехода к «мягкому менеджменту» (soft management), укреплению «долгосрочной лояльности» (long-term loyalty), углублению «преданности» к организации и т.п.[25]. Без личностной вовлеченности, без внутренне диктуемого соучастия работающего самые заманчивые гуманизационные идеи и программы не сделают труд более обогащенным и осмысленным.

Эти идеи уходят корнями в предложенный более полувека назад Дугласом Мак-Грегором принцип различения двух систем основополагающих представлений менеджеров – теории X и Y. Это был серьезный удар по модели «экономического человека». Узловым положениям теории X (соответствующей идеологии тэйлоризма), в частности, убежденности менеджмента в том, что рядовой работник испытывает внутренную неприязнь к труду (in inherent dislike for work), потому и старается по возможности отлынивать от работы, следовательно, управлять его поведением можно лишь через экономическую мотивацию, непременно применяя жесткий контроль, принуждение, угрозу наказаний и т.п., были противопоставлены положения теории Y, в частности, о том, что уделять труду физическую и умственную энергию для человека также естественно, как досугу или игре, и что принуждение и наказание вовсе не лучшие управленческие методы, наоборот, работники настроены на проявление самостоятельности, инициативы, самоуправления и т.п.[26]

Тем не менее, новая управленческая парадигма пока остается преимущественно теоретической конструкцией. Дело не только в том, что у теории X больше приверженцев, и что сама социально-экономическая реальность способствует усилению мотивационной роли экономических факторов. Немаловажно и то, что даже у серьезных сторонников новой «просвещенной управленческой политики» имеются сомнения. «....Философию этого нового подхода в теории управления можно было бы назвать выражением веры в благость человеческой природы, доверия человеку, веры в значимость эффективности, знания, достоинства и т.п., – пишет Абрахам Маслоу, автор наиболее распространенной теории мотивации, и сразу делает оговорку. – Однако следует всегда помнить о том, что мы не располагаем точными количественными данными о том, какая доля населения должным образом относится к своему труду, искренне стремится к нахождению новых фактов и истин, ставит эффективность выше неэффективности и т.д..... Мы не знаем, какое число работников или какая доля трудоспособного населения желает и, соответственно, стремится участвовать в принятии управленческих решений; какая часть населения относится к труду единственно как к источнику средств к существованию, в то время как область их интересов лежит совершенно в иной сфере»[27]. Весьма примечательное признание: ведь тот же Маслоу в одной из своих ранних работ, оценивая эвристическое и прагматическое значение теории иерархии человеческих потребностей, выражал сверхоптимистический настрой: «Обобщая эти данные мы можем решить многие ценностные проблемы, с которыми философы безуспешно бились на протяжении многих веков»[28]. Но все дело в том, что ценностные, смысложизненные проблемы не могут быть решены частнонаучными методами; над философскими проблемами человечеству придется вечно биться (если, разумеется, люди не потеряют имманентно присущее им стремление к осмыслению собственного бытия), тогда как позитивистская уверенность или сциентистский снобизм неизбежно обречены на признание очередного кризиса. Преимущества метода мотивации работника через стимуляцию его потребностей, связанных с самим процессом труда, не могут быть реализованы лишь благодаря точному знанию истинных мотивов работников или даже благодаря коренному изменению позиции менеджеров. Тем более, что реальная позиция менеджеров далека от идей «просвещенного управления» и скорее способствует воспроизводству

именно ценностей «экономического человека»: «Весьма распространенное заблуждение как российских, так и зарубежных менеджеров состоит в том, что основной причиной, которой руководствуется сотрудник, выбирающий организацию, является уровень заработной платы и возможности вертикально-карьерного роста»[29].

Ценностно-мотивационное отношение к личностному смыслу труда нуждается в социетальной поддержке – прежде всего, идеологической и моральной-психологической. Модели «экономического человека» не нужна специальная поддержка со стороны каких-либо социальных институтов, модель эту питает сама реальность. С одной стороны – это экономический кризис, безработица, отсутствие уверенности в будущее, кризис ценностей (что особенно остро ударил по психологии и морали посткоммунистических обществ. В частности, справедливо замечено, что «для многих людей в посткоммунистических странах деньги, удовольствия и потребительство, нежелание трудиться, но стремление иметь максимум вознаграждений при минимизации трудовых издержек стали формой реального существования «экономического человека»»[30]. С другой стороны – растущая технизация жизни, бурный рост индустрии развлечений, пропаганда потребительства и материального успеха, расширение технологической почвы для гедонистического мировоззрения. Между тем, ни в развитых, более-менее благополучных обществах, ни тем более в обществах трансформационного типа, нет сколь-нибудь серьезных идеологических и социальных институтов поддержки самоцельной ценности трудовой жизни, хотя бы в духе раннебуржуазной «этики труда».

Причины «кризиса мотивации» – разрыва между теоретическим прогрессом и практикой управления – можно понять, если вернутся в начало 70-х годов XX века, когда произошел своеобразный взрыв теоретического и практического интереса к личностному смыслу труда. В этом проявились как общий гуманитарный поворот в научном познании, так и обострившиеся проблемы, связанные с массовой демотивацией к трудовой деятельности. Было огромное множество публикаций, научных конференций, открылись исследовательские центры по «качеству трудовой жизни». Как в капиталистических, так и социалистических странах на самом высоком правительственном уровне были приняты соответствующие решения. Целый ряд мероприятий был проведен под эгидой Международной организации труда. Квинтэссенцией идейно-теоретических разработок и практически-прикладных мероприятий стала «гуманизация труда» – задача превращения труда в арену человеческого развития.

«Гуманизация труда» уже более трех десятилетий составляет суть многочисленных концептов: «человеческий фактор», «человеческие ресурсы», «человеческий капитал», «партисипативний менеджмент» и т.п. Можно выделить две парадигмы понимания и практического решения этой сверхзадачи: этико-философская и прагматическая. Первая ставит во главу угла всех гуманизационных нововведений именно смысл труда: наиболее известная концепция – «тройственная переоценка труда» Ж. Фридмана: обоснование социальной необходимости «интеллектуальной переоценки труда» (чтобы работник видел смысл в самом содержании того, что он делает), «моральной переоценки труда» (чтобы он гордился собственным трудом) и «социальной переоценки труда» (чтобы каждый работающий понимал социальную значимость своего труда). Прагматическая парадигма аппелирует к тому, что издержки «научной

организации труда» – преобладание технократических принципов организации человеческого труда (как и организации функционирования социума в целом), приводят к крайнему расчленению трудовых функций, раздроблению целостной деятельности, не способствуют проявлению трудового энтузиазма, снижают трудовую отдачу, оборачиваются абсентизмом, саботажем и т.п., кроме того, порождают массу серьезных проблем и в других сферах личной и общественной жизни. На основе прагматической парадигмы появилось множество ценных нововведений: мероприятия по «расширению труда», «обогащению труда», «ротации трудовых функций», «гибкому рабочему графику» и др. Таким образом, если первая парадигма направляет исследовательскую мысль от понимания фундаментальной важности личностного смысла труда к созданию адекватных мотивационных механизмов, то при второй парадигме задача ставится преимущественно исходя из экономических соображений.

Прагматическая аргументацая, которая стала и осталась господствующей при обосновании необходимости управления смыслом труда, четко была сформулирована британским социологом и экономистом Стефаном Хиллом: «Программы по гуманизации труда были выдвинуты для преодоления двух проблем, порожденных грубым применением научного менеджмента. Первое – крайнее разделение труда, которое приводит порой к технической неэффективности, тем самым скорее увеличивает затраты, чем способствует внедрению более эффективных и дешевых методов организации труда. Второе – сопротивление работников разделению труда, а также чрезмерно жесткий контроль со стороны менеджмента. Все это снижает практическую эффективность принципов научного менеджмента»[31]. Отсюда и вывод в духе традиционного технократизма – если совершенствовать производственно-техническую среду, внедрить более современную технологию, обеспечив тем самым более целостную деятельность работника, ну и если в какой-то мере смягчить «жесткость» менеджмента, то труд станет осмысленным, творческим и, следовательно, более производительным.

Очевидно, что прагматическая парадигма, во-первых, снимает ответственность с менеджеров за дегуманизацию труда, во-вторых, сама проблема гуманизации труда при таком подходе воспринимается лишь как средство для обеспечения реализации экономических целей. Получается, что «Сизифов труд» – это абсолютно бессмысленное занятие для самого Сизифа (потому и изощренное наказание, пытка) – можно было бы «смягчить», если он камень не просто поднимал бы в гору и спускался (чтобы заново и бесконечно повторять сей «труд»), а использовал бы при этом, например, «высокие технологии», или же слушал бы параллельно джазовую музыку и т.п. Для технократического мировоззрения (и для массы менеджеров с подобным мировоззрением и адекватными методами организации совместного труда людей) нет разницы между «трудом» Сизифа и трудом Пенелопы: ведь в технологическом плане их деятельность одинакова, не приводит к предметному результату; это – бесполезный труд. Диаметрально противоположный личностный смысл при абсолютной технологической идентичности двух «трудов» ускользает от понимания технократов. Потому и все, сами по себе прогрессивные, привлекательные нововведения – от «расширения труда» до «принципа доверия» к работнику – дают мало эффекта в аспекте обеспечения осмысленной деятельности.

По сути, мы возвращаемся к той двуединой задаче, которая отмечена в начале статьи. Опять-таки мы фактически ищем ответ на вопрос «как лучше работать?», не осознавая важности его взаимосвязи со вторым вопросом – «ради чего?». То, что современный менеджмент в целом далек от желаемых результатов, свидетельствуют, например, данные, предоставляемые американской консультативной группой «Труд сам по себе» (Work Itself Group). Оказывается, в частности, что в среднем 87% американцев не удовлетворены результатами своей работы, 81% не чувствует своей преданности и вовлеченности в высшие приоритеты своей фирмы, по мнению 73% – цели компании никоим образом не связаны с тем, что они непосредственно делают, а 54% прямо заявляют, что организации как следует не используют их творческие способности[32]. Еще более низкие показатели удовлетворенности трудом на всем постсоциалистическом пространстве[33].

Гуманизация труда, даже в полном ее проявлении – трояковом-фридмановском плане, объективно увеличивает пространство для осмысленной деятельности, но это вовсе не равнозначно расширению личностного смысла труда. Расширенные интеллектуальные (посредством технологических и организационных нововведений), моральные (посредством социально-психологических и ценностных изменений) и социальные (посредством социально-политических реформ) возможности по-разному преломляются через призму внутреннего смысла каждого работника – систему его ценностей, его желание, волю, установку и т.п., одним словом – через его субъектность. Ведь понятно, что для самосознания «экономического человека» даже объективно гуманизированный труд останется всего лишь средством ради других целей. Поэтому истинную гуманизацию труда следует рассматривать как своего рода синергетический эффект гармоничного сочетания внешних и внутренних факторов. Разрыв внешних и внутренних факторов (т.е. труда как целесообразно-продуктивной деятельности и труда как целеполагаемо-осмысленной деятельности) неминуемо искажает как сущность трудовой мотивации, так и методологию гуманизации труда. Напомним: человеческий труд отличается от «трудоподобных» действий животных и технических средств моментом целополагания; это означает, по формулировке Гегеля, что субъект «имеет в своей цели свое собственное особенное содержание, являющееся определяющей душой поступка»[34]. Непонимание многими теоретиками современного менеджмента сути человеческого мотива как «души поступка» обрекает их на методологическую ошибку, указанную великим философом. При целостном подходе к оценке действий человека, пишет Гегель, «просто спрашивали» о том, исполняет ли тот свой долг, добропорядочен ли, а «теперь хотят глядеть в душу и предполагают при этом разрыв между объективной стороной поступка и внутренней, субъективной стороной мотивов»[35].

Для преодоления кризиса мотивации необходим концептуальный союз двух подходов: «труд сам по себе» и «человек сам по себе». Две сферы социального бытия людей – трудовая и внетрудовая жизнь – не разграничены «китайской стеной», и если менеджмент стремится к управлению трудовым поведением подчиненных через сам труд – обогащенный, гибкий, осмысленный, развивающий работающего, то оно должно быть поддержено всеми социальными институтами, то есть общество в целом также должно соответствовать этой цели, должно создавать адекватные социально-экономические и морально-психологические условия.

Разве может работник по достоинству оценить предоставленный ему в рамках организации свободу действий, если «принцип доверия» передового менеджмента никак не поддерживается социумом в целом? «Производственная демократия» должна быть поддержана социетальной демократией. Вовсе неслучаен низкий уровень удовлетворенности трудом именно в обществах трансформационного типа. Наиболее уязвимое их звено — отсутствие устоявшейся системы ценностей и основанной на них целостной идеологии, способных обеспечить нормальное воспроизводство общественной жизни, в том числе желанную мотивацию к труду. Ведь крах «общества труда» — социалистического строя, вовсе не означает полное исчезновение предыдущих стереотипов, касающихся личностного смысла и социального значения труда, также и не означает автоматического укоренения ценностей свободного предпринимательства. И без специальных исследований очевидно смешение старых и новых ценностей, истинных и ложных представлений о смысле труда, денег, богатства, о взаимоотношениях сограждан, доверии между ними. Но и устоявшиеся общества вовсе не избавлены от проблем, здесь также не просто обеспечить взаимное доверие как в обществе, так и в рамках производственной организации. Именно это констатирует исландский экономист Трауинн Эггертсон: «При отсутствии идеологической поддержки издержки правящей элиты, сопряженные с надзором за гражданами, и издержки граждан, сопряженные с надзором друг за другом, устремились бы к бесконечности. Общество, где каждый ведет себя исключительно эгоистически и равнодушен к другим, нежизнеспособно»[36]. Именно этот фактор и определяет прежде всего «кризис мотивации», а не аргументационная слабость теорий мотивации и низкая эффективность их реализаций. Более того, как нам представляется, многим управляющим как раз привнесенная из социума во внутриорганизационную среду система ценностей мешает доверительно относиться к подчиненным.

По-видимому, можно ожидать, что в будущем именно нацеленность на мотивацию трудового поведения человека через личностный смысл станет адекватной базой синтеза двух подходов к гуманизации труда — прагматического и этико-философского. Этим будет обеспечено решение двуединой задачи: с одной стороны, практические мероприятия будут осмыслены самим субъектом труда, с другой стороны — сами цели и задачи организации, все экономические, технологические и структурные трансформации наполнятся пониманием смысла человеческого труда. И лишь тогда станет реальностью истинная гуманизация труда — все более полное раскрытие человекообразующего потенциала трудовой деятельности, следовательно, раскроется и истинное значение незаслуженно обессмысленной цели — «превращение труда в первую жизненную потребность» — состояние, как наиболее соответствующее субстанции самого труда, так и обеспечивающее наиболее достойную жизнедеятельность человеческого существа.

1. *Энкельманн Н.Б.* Власть мотивации. М., 1999. С. 68.
2. *Stern S.* Management fads: The next «next big thing» // Management Today, 28 March 2007.
3. См.: *Шапиро С.А.* Мотивация. М.: ГроссМедиа, 2008; Harvard Business Review on Motivating People. Harvard Business Press, 2003; *Weightman J.* The Employee Motivation Audit. Cambridge Strategy Publications, 2008.
4. См.: *Егоршин А.А.* Мотивация трудовой деятельности. М., 2006; *Соломанидина Т.О., Соломанидин В.Г.* Мотивация трудовой деятельности персонала. М., 2009; *Pritchard R., Ashwood E.* Managing Motivation: A Manager's Guide to Diagnosing and Improving Motivation. London: Routledge Academic, 2008; *Kirmanen S., Salanova A.* Employee Satisfaction and Work Motivation. Saarbrücken: LAP, 2010.
5. *Ричи Ш., Мартин П.* Управление мотивацией. М., 2004. С. 5.
6. *Аристотель* Политика // Соч. В 4-х томах. М., 1984. Т. IV. С. 387.
7. *Маркс К.* Капитал. М., 1973. Т. I. С. 189.
8. *Friedmann G.* Le travail en miettes. P.: Gallimard, 1964. P. 128.
9. *Гегель* Феноменология духа // Сочинения. М., 1959. Т. IV. С. 105—106.
10. *Платон* Государство // Соч. в 3-х томах. М., 1971. Т. III. Ч. I. С. 205—209.
11. *Гельвеций* О человеке // Соч. в 2-х томах. М., 1974. Т. II. С. 380, 382.
12. Там же. С. 381.
13. См.: *Смит А.* Исследование о природе и причинах богатства народов. М., 1960.
14. Надо заметить, что основоположником концепции «экономического человека» общепринято считать Адама Смита. Однако она сформулирована наиболее полно (потому наиболее ярко выражена и ее однобокость) у Георга Зиммеля: «Труд — это усталость, тяжесть, трудность... Никто поэтому не согласится взять на себя все тяготы труда, не получая за это никакого вознаграждения. Труд вознаграждается и за труд требуют вознаграждения, собственно говоря, вследствие того, что здесь происходит затрата психических сил, необходимая нам для преодоления нежелания трудиться и чувства неприятности, связанного с трудом» (*Зиммель Г.* Философия труда // Избранное. М., 1996. Т. II. С. 481).
15. *Маркс К.* Экономические рукописи 1857—1861 гг. в 2-х ч. М., 1980. Ч. I. С. 114.
16. Там же.
17. Там же. С. 111.
18. *Маркс К.* Экономическо-философские рукописи 1844 г. // Маркс К. и Энгельс Ф., Сочинения. Изд. 2-е. М., 1974. Т. 42. С. 90.
19. Там же. С. 90—91.
20. *Ленин В.И.* Как организовать соревнование? // ПСС. М., 1974. Т. 35. С. 196.
21. Там же. С. 197.
22. *Ленин В.И.* Очередние задачи советской власти // ПСС. М., 1974. Т. 36. С. 203.
23. *Тэйлор Ф.У.* Научная организация труда. М., 1924. С. 69.
24. См.: *Thatcher J.B., Liu Y., Stepina L.P.* The Role of the Work Itself. New York: ACM, 2002; *Galli D.* Welfare Regimes, Employment Systems and Job Preference Orientations // European Sociological Review. Vol. 23. № 3. July 2007; *Thomas K.W.* Intrinsic Motivation at Work: What Really Drives Employee Engagement. 2nd ed. London: McGraw-Hill, 2009.
25. См.: *Хекхаузен Х.* Мотивация и деятельность. 2-е изд. СПб., 2003; *Ван Дик Р.* Преданность и идентификация в организациях. Харковь, 2005; *Fargus P.* Measuring and Improving Employee Motivation. London: Financial Times Management, 2000.
26. *McGregor D.* The Human Side of Entreptise. N.Y.: McGraw-Hill, 1960. P. 45—55.
27. *Маслоу А.* Маслоу о менеджменте. СПб., 2003. С. 117.
28. *Maslow A.H.* Toward a Psychology of Being. 2nd ed. Princeton, N.J.: Van Nostrand, 1968. P. 153.
29. *Пивоваров С.Э., Максимцев И.А.* Сравнительный менеджмент. 2-е изд. СПб., 2008. С. 135.

30. *Федотова В.Г.* Человек в экономических теориях: пределы онтологизации // Вопросы философии, 2007, № 9. С. 28.
31. *Hill S.* Competition and Control at Work: The New Industrial Sociology. London: Heinemann, 1981. P. 45–46.
32. http://www.theworkitselfgroup.com/
33. См.: *Монусова Г.* Удовлетворенность трудом: межстрановые сопоставления // Мировая экономика и международные отношения, 2008. С 12.
34. *Гегель* Философия права. М., 1990. С. 165.
35. Там же. С. 166.
36. *Эггертсон Т.* Экономическое поведение и институты. М., 2001. С. 92.

О РОЛИ ШКОЛЫ И СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ НАЦИОНАЛЬНОГО БЫТИЯ В ЭПОХУ АРМЯНСКОГО ВЫСОКОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Мирумян К.А.

Начиная с IX века происходит ослабление Арабского халифата и усиление армянского княжеского рода Багратидов, который вскоре воцарился не только на армянском, но и на грузинском престолах. С восстановлением государственной независимости и созданием Багратидского (или Анийского) царства в 885 году начинается новая страница в политической и культурной истории армянского народа. Благодаря тонкой и умелой внутренней и внешней политике Багратидов страна ожила, а относительно мирный период способствовал восстановлению и развитию экономики, расцвету городов, городской культуры и ремесел.

Столица Багратидской Армении Ани (с 961 г.) становится крупнейшим центром экономической, политической и культурной жизни страны. Закономерным следствием развития производительных сил явилось углубление общественного разделения труда – отделение ремесленного труда от земледельческого, объединение ремесленников в цеховые организации. Быстрый рост ремесленного производства привел к оживлению старых и возникновению новых городов. По мнению академиков Н. Марра и Я. Манандяна, население Ани и других городов Багратидской Армении превышало численность городов средневековой Европы.

Одним из важных факторов и стимулов роста городов и расцвета городской жизни стала международная транзитная торговля между Востоком и Западом, проходившая через Армению. Анийская Армения становится одним из главных центров международной транзитной торговли. Более того, изучение сохранившейся продукции художественно-ремесленного производства показывает, что «культурная жизнь Ани и городов Багратидской Армении находилась на более высоком уровне развития, чем в средневековых городах Западной Европы»[1], и что Ани «мог соперничать с прославнейшими городами Европы и Азии».

Происходят определенные изменения и в социальной структуре общества. Появляется городское сословие, в общественную и культурную жизнь проникает светский образ мышления. Усиление светского начала в сознании широких социальных слоев проявилось, в частности, в тяге к земному, в определенном игнорировании, точнее – в более свободном отношении ко всему церковному, в усилении роли и значения светской власти. Большими темпами развивается светская архитектура, прикладные виды искусства и ремесла, школьно-образовательное дело и т. д. Страна вступала в период развитого феодализма или высокого Средневековья.

Однако Багратидам так и не удалось объединить под своей эгидой все армянские земли: продолжали обособленно существовать независимые или полунезависимые княжества и мелкие царства. Одной из главных причин внутренней

слабости и неустойчивости Армении явилась феодальная раздробленность, затруднявшая организацию сопротивления могущественным соседям, частым вторжениям иноземных завоевателей. В результате византийской агрессии в 1045 году столица Багратидской Армении город Ани пал под ударами христианских завоевателей.

В результате усиления центростремительных сил и развития хозяйственно-экономической жизни страны в 908 году создается еще одно самостоятельное армянское царство в другом крае Армении — Васпуракане. Здесь также развиваются города, строительство, ремесленное производство, сельское хозяйство. Число городов достигало 10, а население — миллиона человек. Васпураканское царство также втягивалось в международную торговлю. Наряду с градостроительством широкое распространение получает строительство новых монастырей, число которых достигает 900. Наиболее известными были монастыри Нарека и Ахтамар, которые со временем превратились также в крупные научные, культурные и учебно-образовательные центры всей Армении.

Вскоре после падения Багратидской Армении возникает новая грозная опасность со стороны вторгшихся с Востока турок-сельджуков, которые овладели большей частью Армении. Тем не менее, ряд армянских княжеств сумел сохранить свою независимость, другие вели неравную борьбу против завоевателей. С конца XI — начала XII века происходит ослабление империи сельджуков и она распадается на множество эмиратов. Объединенные армяно-грузинские войска под командованием выдающихся полководцев князей Закарэ и Иванэ Закарянов постепенно освобождают территорию Грузии и северо-восточной Армении от сельджукского ига, в том числе город Ани. За время недолгой мирной передышки была вновь восстановлена экономика страны, оживилась городская жизнь, ремесленное производство, внешняя и транзитная торговля, получил развитие торгово-ростовщический капитал. Появилось новое городское сословие предприимчивых и деловых людей — «паронов».

Таким образом «постепенно источник материальной мощи, а за нею власти и права в самом Ани переместился из военной доблести целиком в мирную торговлю»[2]. Более того, «через Ани прошла живительная артерия, ветвь великих торговых путей. Ани сделался средоточием торговли и обмена между Востоком и Западом»[3]. Ани снова превращается в экономический, политический и культурный центр страны.

Армения сама постепенно втягивалась в мировую торговлю, поставляя продукты сельского хозяйства и ремесла.

Развитие культурно-экономической жизни Армении было нарушено нашествием татаро-монгольских орд. В 40-х годах XIII века страна была завоевана монголами. Население и недовольная знать Армении неоднократно пытались свергнуть чужеземное иго. Однако вооруженные выступления были жестоко подавлены.

В конце XIV века Армения неоднократно подверглась опустошительным нашествиям полчищ Ленг-Тимура (Тамерлана), а в начале XV века страна стала ареной военного противоборства двух воинственных кочевых туркменских племен Кара-Коюнлу («Черные бараны») и Ак-Коюнлу («Белые бараны»). Полувековое господство племен Кара-Коюнлу (1410—1468 гг.) сменилось игом племен Ак-Коюнлу, которое продолжалось до полного их пора-

жения в войне с Османской империей (1473 г.). Однако, несмотря на тяжелое положение страны и народа в отдельных монастырях, расположенных в труднодоступных местах, продолжали сохраняться очаги науки и образования, обеспечивающие в определенной мере непрерывность и преемственность национальных школьных и культурно-образовательных традиций.

Подъем экономической и политической жизни Армении, расцвет старых и строительство новых городов, развитие ремесел, изменения, происшедшие в социальной структуре и общественных отношениях, духовные потребности, возникшие в связи с этими процессами, породили и соответствующую культуру, которая отразила всю сложность и противоречивость эпохи. Усиливается интерес не только к гуманитарным, но и к естественнонаучным и техническим знаниям. В искусстве и литературе появляются светские мотивы и веяния. Исследования показывают, что в средневековой Армении получили развитие такие области научного знания, как химия, медицина, биология, математика, строительная механика, астрономия и другие, которые непосредственно были связаны не только с теоретическими изысканиями, но и с практическими нуждами армянского общества.

Об уровне развития химических и фармацевтических знаний в средневековой Армении красноречиво говорит тот факт, что ряду латинских алхимиков присваивали фиктивные титулы, как, например, титул «царя Армении», а «философский камень» нередко называли «армянским яйцом» и т. д. (*М. Бертло*).

Об этом же свидетельствуют результаты исследований Н.А. Фигуровского, согласно которым «особо большое значение в проникновении на Русь химико-практических знаний получили «Кавказские ворота», через которые в Киев и Москву, а также в другие города Европы проникли с Востока многие практические сведения по химии. Передатчиком химических знаний явилась прежде всего Древняя Армения, откуда врачи и химики-ремесленники отправлялись на Русь и в другие страны»[4]. Армянские врачи были знакомы с лучшими достижениями эллинистического и арабского мира в области медицины. Более того, в области анатомии, хирургии и гинекологии, то есть там, где требовалось опытное исследование человеческого организма, «армянская медицина имела большое преимущество перед так называемой арабской медициной».

Имеющиеся под рукой научные факты говорят в пользу того, что в средневековой Армении мы имеем довольно высокий уровень развития естественных и точных наук и что армяне стояли на уровне высокоразвитых народов и даже опережали их по ряду научных дисциплин.

В естественных науках особое внимание уделялось опытному познанию и знанию, широко использовались опытные методы исследования. Это нашло отражение во многих отраслях средневекового знания, в частности в астрономии и медицине. Усилению крена в сторону опыта как метода познания и формы знания во многом способствовало научно-философская и педагогическая деятельность Ованеса Саркавага Имастасера.

Возрождается и развивается музыкально-поэтическое искусство, в частности, искусство гусанов и театра, различные спортивные и военные игрища (фехтование, борьба и др.), которые становились важнейшими составляющими светского образа жизни.

Светское направление в Армении нашло благоприятную почву и в архитектуре – «поэмах каменных форм», где начиная с IX века светский стиль постепенно вытесняет церковный. Об этом свидетельствуют памятники архитектуры на острове Ахтамар, храм Гагика в Ани и др. Наряду с церковными сооружениями в Армении строились и светские здания – дворцы, караван-сараи, бани, великолепные однопролетные каменные мосты и т. д. Постепенно светское зодчество переходило в обиход зодчества церковного, о чем свидетельствует и светская функция гавитов. О влиянии светского зодчества на церковное указывает и облик Санаинской монастырской библиотеки. Противоречивость эпохи отразилась и на орнаментировке храмов Гагика Арцруни на острове Ахтамар и Гагика I в столице Багратидской Армении Ани, где библейские сюжеты переплетаются со светскими.

Расцвет науки и культуры, в свою очередь, был невозможен без хорошо разработанной и функционирующей системы школьного обучения и образования. С восстановлением армянской государственности в 885 году появились благоприятные условия для развития школьного дела, распространения образования и просвещения. В средневековой Армении данного периода существовало несколько типов школ. В народных и частных школах в основном обучали чтению, правописанию, пению и счету. Основными же очагами распространения образования и просвещения продолжали оставаться монастырские школы – элементарные и высшие. В школах высшего типа (=университетах) преподавались почти все известные к тому времени науки и искусства, готовили кадры учителей и наставников для распространения просвещения в стране, воспитания подрастающего поколения. И «есть все основания полагать, что средний уровень образованности в Армении», главным образом «в Багратидскую эпоху», стоял «достаточно высоко, пожалуй выше, чем во многих европейских странах того же времени (т.е. в века губокого Средневековья)»[5].

В X–XV веках в Армении функционировали десятки школ высшего типа, среди которых особенно выделялись Нарекская риторическая школа, Анийская философская школа (академия), высшие школы Санаина и Ахпата и др. Впоследствии, в XIII–XV веках, возвышаются Гладзорский и Татевский университеты. Увеличилась и роль монастырских библиотек, существенно повысился интерес к книге, к книжному знанию, которые вновь стали важнейшей составляющей ценностной системы. Весьма примечательно, что многие князья и богатые горожане («пароны») жертвовали или дарили свои сады, виноградники и деньги не только самим монастырям, но и непосредственно монастырским школам и *библиотекам.* Нередко в качестве ценного дара преподносились рукописные книги. Эти и другие факты свидетельствуют об относительной самостоятельности, автономности научно-образовательных и культурных центров при монастырях. Монастырские школы и библиотеки являлись крупными очагами средневековой армянской культуры, центрами подготовки ученых, учителей-наставников, преподавателей и сохранения культурных и школьно-образовательных традиций.

Знаменитый Нарекский монастырь был основан в 935 году. После своего назначения предводителем монастыря **Анания Нарекаци** (X в.) создал при нем Риторическую школу высшего типа, которая благодаря его усилиям вскоре стала одной из самых лучших и известных высших школ того времени. Сюда стекались многие выдающиеся музыканты, ученые, писатели, вардапеты

того времени. Одним из основных направлений в деятельности школы был поиск и приобретение древнейших рукописных книг и редких экземпляров (раритетов), создание богатого книжного фонда, что было необходимо как для развертывания научно-педагогической деятельности, так и для обеспечения учебного процесса соответствующей учебно-образовательной литературой. Именно в Нарекской школе впервые в данный культурно-исторический период Армении было возрождено преподавание «семи свободных искусств» — наук «тривиума» и «квадривиума» — стержня средневекового высшего образования.

По сохранившимся сведениям в Ани существовала довольно развитая школьная система. Создание же Анийской философской школы (академии) связано с именем **Ованеса Саркавага Имастасера** (1045—1129 гг.). Благодаря его стараниям школа приобретает светский характер, философскую и естественнаучную направленность, на практике реализуется программная учебно-образовательная идея Григора Магистроса о необходимости внедрения в школьно-образовательную систему высшего типа естественнонаучных дисциплин, основанной на программе естественнонаучно-математической школы Анания Ширакаци (VII в.). Нучно-педагогическая деятельность Ованеса Саркавага привела к бурному расцвету и подьему Анийской философской школы.

Анийская философская школа имеет важное значение для освещения истории армянской школы, содержания обучения и педагогической мысли, свидетельствует о высоком уровне теоретической мысли и школьно-образовательной системы. Об этом говорит тот факт, что в Анийской школе изучались: философия Аристотеля, грамматика Дионисия Фракийского, труды Филона Александрийского, математические науки, риторическое искусство и другие научные дисциплины.

Ахпатская школа высшего типа своим появлением также обязана Ованесу Саркавагу Имастасеру. Школа при Ахпатском монастыре существовала и до него (где он сам получил первоначальное образование). Заслуга Саркавага заключается в том, что он значительно поднял уровень преподавания и образования, расширил круг изучаемых учебных дисциплин, включив в программу обучения философские, естественнонаучные и математические науки, подобно тому, что он сделал в Анийской философской школе. Благодаря своему выдающемуся таланту и организаторским способностям он содействовал небывалому взлету этой школы, превратил ее в школу высшего типа, которая просуществовала несколько столетий.

И в Анийской, и в Ахпатской школе Ованес Саркаваг возобновил преподавание многих «увядших и угасших» светских наук, которые из-за неблагоприятных исторических и политических условий, а также «невежества и лености» некоторых деятелей были приведены в беспорядок или преданы забвению. Он проделал огромную работу по поиску затерявшихся и полузабытых произведений древних авторов. После тщательной литературной обработки он поручал своим ученикам переписать, размножать и распространять их. Так, в церквах и монастырях Армении одной из распространенных была книга псалмов, которая являлась не только молитвенником, но и книгой для чтения в средневековых школах. Невежественные переписчики исказили смысл и содержание перевода, и не было ни одной рукописи, которая не претерпела бы изменений и искажений, что явилось причиной многих недоразумений. Саркаваг долго искал подлинник перевода, дабы на его основе сличить имею-

щиеся образцы. Наконец он обнаружил его в Ахпатском монастыре. Переписав и размножив текст он разослал копии в разные концы земли Армянской, чтобы ввести единообразие в церковных песнопениях[6]. Так Саркаваг поступал и со многими творениями античных и раннехристианских мыслителей – Аристотеля, Филона Александрийского, Григория Нисского, Григория Богослова и др. Он возродил и усилил интерес как к творениям античных мыслителей, так и к произведениям национальной мысли предшествующего периода.

В XIII–XIV веках Армения находилась под ярмом монгольских завоевателей, однако некоторым армянским князьям удалось приобрести определенную независимость от монгольских властей. Так, наследственному князю Сюника благодаря умелой дипломатической деятельности удалось получить от великого хана монголов право на «инджу», то есть признание его наследственных прав и подчинение непосредственно верховной власти великого хана. В результате Сюник приобрел полунезависимое положение, что создало благоприятные условия для развития экономической и культурной жизни края. Князья Орбеляны и Прошяны всячески содействовали развитию письменности, архитектуры, просвещения. При их поддержке и материальной помощи были открыты школы.

Княжеские роды Прошянов и Орбелянов, а также духовные власти края были заинтересованы в создании мощного научно-культурного и образовательного центра. Духовные власти нуждались в высокообразованном духовенстве, которое смогло бы противостоять религиозно-идеологическим притязаниям папства. Перед нацией и ее интеллектуальной элитой встала фундаментальная задача, идентичная той, которая стояла перед идеологами нации в V веке после Халкидонского собора. Однако в тот исторический период армянские мыслители теоретически готовились к борьбе против потенциального противника – диофизитов или монофизитов. В XIII веке задача в этом смысле была более конкретной: необходимо было дать отповедь латинским униатам, получившим прекрасное образование в известных школах Франции, Италии, владеющим несколькими языками, глубоко изучившим античность, сочинения раннехристианских мыслителей, теологию. Идейная борьба требовала консолидации всех духовно-интеллектуальных потенций нации, что в свою очередь, требовало повышения образовательного уровня высших школ, подготовки большого числа ученых, учителей, проповедников. Задача усугублялась тем, что большая часть исторической Армении находилась под тяжелым игом иноземных завоевателей. Таким образом, сложившаяся ситуация касалась не только церкви, но и всего армянского народа. Эту миссию взял на себя Гладзорский университет, созданный в 1282 году известным рабунапетом и ученым **Нерсесом Мшеци** (ум. в 1284 г.) при содействии вышеупомянутых княжеских родов.

Гладзорский университет был самостоятельным учебным заведением, в отличие от монастырских школ высшего типа. Его главная задача заключалась в обучении, усовершенствования в науках, распространении просвещения.

В XIII–XIV веках папская курия усилила религиозно-идеологическую экспансию на Востоке, в том числе в Армении, что по времени совпало с деятельностью Гладзорского и Татевского университетов. На территории Армении католические миссионеры и их армянские приспешники основали целый ряд католических монастырей, духовных, учебных и научно-просвети-

тельских центров (в Артазе, Ерынджаке, Нахичевани), призванных форсировать процесс распространения католицизма в стране, содействовать унии Армянской Апостольской и Римско-католической церквей. Среди этих центров выделялись Цорцорская и особенно Кырнайская школы.

Основателем армяно-францисканского монастыря Св. Фаддея и школы в Цорцоре (Артаз) был **Закария Цорцореци**, а также крупный ученый **Ованес Ерзынкаци (Цорцореци)** – ученик ректора Гладзорского университета, одного из идейных вождей антиуниатского движения **Есаи Нчеци**. Ованес Цорцореци оставил ряд оригинальных произведений, в том числе труд по грамматике. Он же по указанию римского папы Иоанна XXII перевел с латинского на армянский язык известный труд **Фомы Аквинского** «Книга семи таинств» – «Комментарии к IV книге Сентенций Петра Ломбардского» – один из первых переводов сочинений Аквината в мировой литературе.

В 1330–1340-х годах с латинского языка были переведены также сочинения известных католических теологов и философов **Николая Лиры**, генерала францисканского ордена **Бонавентуры** и т. д.

Основателем армяно-доминиканского монастыря и монастырской школы высшего типа в Кырна был **Ованес Кырнеци (**ок. 1290–1347 гг.**)**, также воспитанник и выпускник Гладзорского университета. Появление в католическом лагере двух выпускников Гладзорского университета значительно усилило позиции униторов. Кырнайскую школу сами армяне-католики называли «вторыми Афинами». По всей видимости, она была создана в качестве противовеса Гладзорскому университету, который давно приобрел славу «вторых Афин» – всеармянского университета. Благодаря интенсивной научной, литературной и переводческой деятельности эмиссара папской курии в регионе **Варфоломея Болонского** (*Бартоломео да Болонья*) (ум. в 1333 г.), его латинских сподвижников **Петра Арагонского** (ум. в 1347 г.) и **Джона Английского**, а также их армянских приспешников-униторов (unitores, униат) **Ованеса и Акопа Кырнеци** в течение сравнительно короткого времени было написано и переведено с латинского значительное количество сочинений богослужебного, церковно-теологического, логико-философского и естественнонаучного содержания.

Деятели Кырнайской школы ставили перед собой задачу не только распространения католицизма на армянском языке, внедрения римско-католического богослужения, но и подведения под церковно-идеологическую деятельность мощной логико-философской базы в лице философии Фомы Аквинского, что призвано было существенным образом упрочить идейно-теоретические и духовные позиции католицизма в Армении.

Переводы работ латинских авторов предоставили армянской теоретической мысли богатый дополнительный мыслительный материал. Наибольшее распространение в армянской интеллектуальной среде, среди ученых-вардапетов Гладзорского, Татевского, Мецопского и других университетов получили сугубо логико-философские, натурфилософские и естественнонаучные труды латинских авторов. Особого внимания были удостоены «Книга проповедей» и «Толкование Шестоднева» Варфоломея Болонского, содержащие значительный пласт натурфилософского и естественнонаучного материала, логико-философские трактаты Варфоломея Болонского и Петра Арагонского.

Хотя из работ Аристотеля на армянский язык были переведены два логико-философских трактата («Категории» и «Об истолковании»), однако это

отнюдь не означает, что армянские философы не были знакомы с другими логическими произведениями и с естественнонаучными идеями античного мыслителя. Приобщение к естественнонаучным взглядам Аристотеля шло благодаря переводам трудов восточно-христианских мыслителей (Василия Кесарийского, Григория Нисского, Немесия Эмесского и др.) и оригинальным трудам представителей армянской грекофильской школы. Поэтому выдержки из естественнонаучных трактатов Аристотеля у Варфоломея Болонского вряд ли правомерно рассматривать как «открытие» для армянских философов и ученых Средневековья[7].

«Диалектика» Варфоломея Болонского содержит систематическое изложение «старой» (vetus logica) и «современной логики» (logica modernorum), то есть логическое учение от Аристотеля и Боэция до логики Петра Испанского. Благодаря «Диалектике» впервые в армянскую логическую литературу были введены мнемонические приемы для запоминания модусов категорического силлогизма (Barbara, Celarent, Darii, Ferio и др). Перевод «Диалектики» знакомил армянских философов и слушателей университетов с последними достижениями европейской поздней схоластики.

Более того, «Диалектика» Варфоломея использовалась в армянских высших школах в XIV и последующих веках в качестве учебника по логике. Об этом свидельствует и тот факт, что «Диалектика» Варфоломея Болонского вместе с логическими произведениями Жильбера (Гильберта) Порританского и Петра Арагонского была дважды переписана Григором Татеваци по поручению своего учителя Ованеса Воротнеци.

Своими трудами Варфоломей Болонский вызвал новый интерес у армянских ученых к античной философии, в частности к трудам Аристотеля. Однако это не было для армянских мыслителей «откровением», ибо с трудами античных авторов, в том числе и, особенно, Аристотеля, как на языке оригинала, так и в древнеармянских переводах армянские интеллектуалы были знакомы еще в период Армянской античности и раннего Средневековья. Следует напомнить, что вся многогранная деятельность (переводческая, комментаторская, самостоятельная) армянской грекофильской школы в V–VIII веках была направлена на изучение, осмысление и внедрение античной науки и философии в армянскую действительность, в систему национального научно-философского знания и высшего образования. Более того, многие переведенные на армянский язык произведения античных мыслителей служили в качестве учебных пособий в армянских школах высшего типа и в предшествующий культурно-исторический период.

Поэтому роль Варфоломея Болонского по сути сводится к пробуждению нового интереса к наследию Аристотеля и античности в контексте разгоревшейся борьбы против церковно-идеологической экспансии папской курии, ознакомлению армянских мыслителей с западноевропейским восприятием философии великого грека, с одним из ведущих направлений западноевропейской мысли – томизмом – западноевропейским вариантом синтеза Аристотеля и античной философии с христианским учением.

Наряду с трудами Варфоломея Болонского в армянских школах высшего типа были распространены также логические произведения Петра Арагонского. Сохранились многочисленные копии, сделанные в XIV–XV веках в Татеве, Мецопе, Апракунисе и других научных и учебных центрах.

Созданная латинскими и армянскими униатами оригинальная и переводная литература стала новым явлением в армянской средневековой духовно-интеллектуальной жизни. Если до XIV века преобладали переводы с греческого, то с XIV века происходят интенсивные научные и литературные контакты с латиноязычной литературой — процесс, который продолжался и в последующие века. Хотя возникшая в ходе церковно-религиозной экспансии папской курии в Армении католическая литература прежде всего преследовала конкретные политико-идеологические цели, однако необходимо различать политико-идеологические и научно-культурные (и учебно-образовательные) аспекты данного процесса.

Так, если с политической точки зрения «латинская переводная литература служила интересам католической церкви и играла отрицательную роль, ослабляя национально-духовное единство армянского народа, то в культурно-интеллектуальном отношении она в основном имела позитивное значение», приобщала армянских книжников к течениям западноевропейской мысли, знакомила с философскими спорами и борьбой, царившей в католическом Западе[8].

Армянские мыслители данного периода, в частности деятели и идеологи антиуниатского (антикатолического) движения — ректор Гладзорского университета Есаи Нчеци, ректора Татевского университета Ованес Воротнеци и Григор Татеваци сумели отличить отрицательные и положительные стороны в деятельности униатов, умело использовали латинскую литературу в борьбе против религиозно-идеологической экспансии папской курии. Так, Варфоломей Болонский в памятной записи «Книги проповедей» пишет: «Волею христовой и главного престола (Св.) Петра да будет предан анафеме и проклят тот, кто передаст эту «Книгу проповедей» в руки противников или лжеуниатов, ибо мы испытали много раз, что противники брали себе на вооружение наши же слова и нашим мечом воевали против нас и против истины»[9].

В отличие от религиозно-догматической литературы, научно-философские произведения униторов, созданные в учебно-просветительских целях, и переводы логико-философской литературы стали составной частью армянской теоретической мысли, придав новый импульс научной мысли и несколько расширив круг знаний учениями ряда известных представителей философской мысли средневековой Европы.

X—XV века — это эпоха сосуществования и борьбы элементов «старого» и «нового» во всех сферах общественной, культурной и школьно-образовательной жизни. Начинают пробиваться ростки новой культуры, нового образа мышления и мировоззрения. Имена Григора Нарекаци, Григора Магистроса, Ованеса Саркавага стоят на рубеже становления нового направления в теоретической мысли армянского народа. Но это новое явилось органическим развитием научных и культурно-образовательных традиций народа, которые своими корнями уходили в глубокую древность.

Для более или менее полного представления об учебных программах и структуре средневековых армянских высших школ (университетов) остановимся на учебно-образовательной программе, принятой в Гладзорском и Татевском университетах, которая аккумулировала и развила, подняв на новый уровень учебно-образовательные традиции предшествующих армянских школ высшего типа и была генетически с ними связана. Кроме того, эти университеты фактически определяли и направляли деятельность многих

других школ высшего типа, в том числе в вопросах учебно-образовательных программ. Учебная программа университетов опиралась на теоретико-методологические и методические принципы, разработанные еще армянской грекофильской школой в V—VI веках, в частности Давидом Анахтом, и дает наиболее полное и всестороннее представление о системе образования и обучения, принятых в средневековой Армении.

В рассматриваемых учебных заведениях функционировали 3 отделения — факультета. На одном обучали музыке по канонам «сладкозвучного пения» (искусству пения) и теории музыкального искусства, на втором — живописному искусству, разным приемам рисования, на третьем — «внешним» и «внутренним», то есть философско-богословским наукам[10].

Независимо от способностей и предпочтения, избираемой в дальнейшем конкретной сферы деятельности (каллиграфия, живопись, музыка, философия, богословие, проповедничество, учительство и т. д.) все слушатели в течение 7—8 лет должны были пройти весь основной курс и усвоить определенный круг богословских и светских («внешних») научных и учебных дисциплин. Это, так сказать, базовый, общеуниверситетский цикл предметов, необходимых для университетского образования вообще.

Учебная программа упомянутых университетов включала 12 частей философии: естествознание, математика, богословие, этика, экономика, политика, арифметика (теория чисел), музыка (теория), геометрия. В качестве учебной литературы использовались труды по риторике, 7 книг «внешней» философии: «Грамматика», «Определения философии» Давида Анахта, «Введение» Порфирия, «Категории» и «Об истолковании» Аристотеля, «О мире» и «О добродетели» Псевдо-Аристотеля, 72 книги Ветхого и Нового Заветов, труднодоступные «тонкие» сочинения и сложные, труднопостигаемые книги святых вардапетов и 51 эпических сказаний[11].

Стержнем высшего светского («внешнего») образования являлось преподавание «семи свободных искусств» — наук «тривиума» (грамматики, риторики и логики) — основы средневекового гуманитарного образования и наук «квадривиума» (арифметики, музыки, геометрии и астрономии) — цикла точных наук того времени. Указанные циклы составляли два уровня в системе высшего средневекового образования в Армении.

Как и в предшествующие периоды, курс высшего образования начинался с изучения грамматики, которая включала не только вопросы, связанные с языком, но и вопросы теории литературы, поэтики, теории искусства. В качестве учебников служили армянские толкования «Грамматики» Дионисия Фракийского, Давида Керакана (Грамматика), Григора Магистроса, Вардана Аревелци, Ованеса Ерзынкаци, Есаи Нчеци и других видных ученых.

Затем следовало изучение риторики, в содержание которой входили правила и принципы риторического искусства, сведения о литературном творчестве, вопросы художественного стиля, правила составления или изложения произведений различных жанров и т. д. Учебником по этой дисциплине служила преимущественно «Книга Хрий (или Пользы)», переведенной еще грекофильской школой и включающая как риторические труды Афтония, Теона Александрийского и Николая Мюрского, так и самостоятельные тексты практического назначения.

Усвоение этих дисциплин было необходимо, чтобы приступить к изучению логики (или диалектики), которая, с одной стороны, завершала первый

этап (или уровень) высшего образования, а с другой — вводила в область философских наук. Преподавание логики велось на основе логических сочинений Аристотеля («Категории», «Об истолковании»), Порфирия («Введение»), Давида Анахта («Толкование «Введения» Порфирия», «Толкование «Аналитики» Аристотеля»), Анонима («Толкование «Категорий» Аристотеля»). Praised Ованес Воротнеци в учебную программу возглавляемого им Татевского университета включил также сочинения по логике известных западноевропейских авторов — **Жильбера Порретанского, Варфоломея Болонского** и **Петра Арагонского** в армянском переводе. «Диалектика» Варфоломея Болонского стала одним из основных учебников по логике в армянских высших школах и университетах XIV—XV веков. Благодаря этому армянская логическая (и философская) мысль ознакомилась с западно-европейской интерпретацией развития логических учений от Аристотеля до Петра Испанского, приобщилась к логико-философским достижениям латинского Запада, в частности, к философии Фомы Аквинского.

Овладение логикой открывало путь к изучению философии со всеми ее частями и разделами. Преподавание философии начиналось с теоретической философии и завершалось практической. В теоретическую философию входили: естествознание, математика и теология (метафизика). Преподавание теоретической философии начиналось с приобщения студентов к естественнонаучным знаниям, затем приступали к изучению математических дисциплин и в конце — к самой сложной и труднопостижимой части — теологии (метафизики), что обьяснялось необходимостью постепенного, ступенчатого восхождения от познания (и изучения) целиком материального к познанию (и изучению) абсолютно нематериального.

В число математических наук входили: арифметика (теория чисел), музыка (теория, гармоника), геометрия и астрономия (т. е. предметы «квадривиума»). Арифметику («искусство исчисления» или античную логистику) в качестве учебной дисциплины ввел еще **Анания Ширакаци** в VII веке. В Гладзорском университете арифметику изучали по составленным Ширакаци арифметическим таблицам, в частности, по таблицам полигональных чисел, и его учебнику арифметики. В качестве пособия по арифметике использовалась также работа Ованеса Саркавага Имастасера «О полигональных числах», которая состояла из таблиц и текста. Данная работа служила учебным пособием еще в Анийской и Ахпатской высших школах. В процессе обучения музыке студенты овладевали принципами искусства пения, мастерством исполнения, а также знаниями по теории музыки. Геометрию изучали параллельно с географией. Учебником по геометрии служили «Начала» (или «Элементы») Эвклида, а по географии — «Мироуказатель» («География») Анания Ширакаци и «География» Вардана Аревелци. Наряду с теоретической геометрией велось обучение и прикладной геометрии. Астрономию же изучали по астрономическим и космографическим трудам Ширакаци, в частности, «Космография», «О движении небес» и т. д.

Успешное завершение курса теоретической философии давало возможность перейти к изучению частей практической философии: этики, экономики и политики (политической науки). Преподавание этих дисциплин велось на основе трудов Давида Анахта («Определения философии»), Езника Кохбаци («Опровержение лжеучений»), Псевдо-Аристотеля («О добродетели»), Нерсеса Шнорали («Толкование «Определений» Давида») и т. д.

В учебных программах университета большое место отводилось изучению истории армянского народа по трудам *Агатангелоса* (V в.), *Фавстоса Бузанда* (V в.), *Лазаря Парбеци* (V в.), *Мовсеса Хоренаци* (V в.), *Себеоса* (VII в.), *Мовсеса Каланкатуаци* (VII в.) и др. историков.

Одним из главных учебных дисциплин в университете, как и во всех средневековых армянских школах, было искусство письма, которое включало не только красивое написание (или копирование) рукописной книги, правописание, но и ее художественное оформление. Следует упомянуть художников-миниатюристов: *Момика*, *Тороса Таронаци*, *Ована Бджнеци* и др.

Искусство письма имело огромное значение для создания духовно-интеллектуальной продукции. При этом задача заключалась не только в красивом, но и безошибочном написании (или копировании). Это объяснялось тем, что допущенная ошибка искажает текст, содержание мысли, что недопустимо особенно в математических и календароведческих трудах.

Для упорядочения правописания в школах Киликийской Армении писец *Аристакес* (XII в.) подготовил учебное пособие по правописанию, которое в XIII веке дополнил и расширил Геворг Скевраци под названием «Наставление для письма». Эти две работы использовались в Гладзорском университете в качестве учебного пособия по искусству письма.

В Гладзорском университете изучались труды медико-биологического содержания: «О строении человека» Григория Нисского (331–394 гг.) и «О природе человека» Немесия Эмесского (IV–V вв.).

Программа обучения, как уже отмечалось, включало также изучение 51 эпического сказания, что восходит, по-видимому, к учебно-образовательной программе, разработанной еще Григором Магистросом.

Таким образом, в Гладзорском и Татевском университетах обучение велось на основе трудов как христианских, так и «внешних» – языческих, античных мыслителей и их толкований. Число изучаемых «тонких» сочинений составляло более 50.

По завершении полного курса обучения студенты высших школ обязаны были сдавать выпускные экзамены, проанализировать и прокомментировать в письменной форме сочинение какого-либо выдающегося мыслителя или Учителя церкви по выбору преподавателя и подготовить выпускную речь, которую они произносили перед преподавателями и выпускниками университета, а также приглашенными на торжественную церемонию представителей духовной и светской власти, покровителей. Кроме того, выпускники по случаю окончания учебы должны были или сами переписать одну рукописную книгу или же на свои средства заказать ее какому-либо писцу. Не трудно заметить, что это обстоятельство преследовало цель обогатить книжный фонд университетских библиотек.

Таким образом, подготовка и особенно защита выпускных (дипломных) работ носили публичный характер, церемония защиты превращалась в культурное и научное событие не только в масштабах университета, но и всей культурной жизни страны.

После этого выпускнику присваивалась ученая степень вардапета и вардапетский посох, дающий право на самостоятельное проповедничество и преподавание в школах. В отдельных случаях присуждалось специальное звание «служитель слова» (словесник). Гладзоро-Татевский университет, как и другие средневековые армянские университеты и высшие школы, готовил

кадры как для науки, искусства и школьно-образовательной системы, так и кадры для нужд церкви. Исследования показывают, что образование, получаемое учеными-вардапетами, непосредственно не было связано с духовно-церковным саном. Более того, вардапетская степень считалась более высоким титулом, чем церковный сан. Именно с личностью вардапета была связана средневековая армянская школа. Вардапеты пользовались непререкаемым авторитетом[12]. Таковы в общих чертах учебно-образовательная программа, система образования и содержание обучения в двух крупнейших центрах средневекового армянского образования, просвещения, науки и искусства.

Выпускники Гладзорского университета стали активными пропагандистами науки и культуры в разных краях и областях Армении. Эту свою поистине историческую и просветительскую миссию они осуществляли также путем создания новых школ различных типов. Среди множества основанных или руководимых ими школ следует особо отметить школу Мецопского монастыря, Айридзорскую школу, школу Кохбского монастыря, Тифлисскую школу, Ахпатскую школу, Ерзынкайскую школу, Салмастскую школу, Тахеникскую школу, Киликийскую Дзораванскую школу, Кырнайскую школу, Цорцорскую школу, Таронскую школу и др.

Сравнительный анализ учебных программ армянских и европейских университетов указывает на определенную схожесть. Однако данное обстоятельство объясняется не связью Армении с европейским умственным движением, как полагают некоторые исследователи, а тем, что и в армянских, и в европейских университетах опирались на школьно-образовательные традиции античного мира. Более того, научные и школьно-образовательные традиции греко-римского мира были усвоены и развиты еще армянской грекофильской школой в V веке, которые после некоторого перерыва, обусловленного арабским игом, были возрождены с восстановлением армянской государственности в конце IX века. Таким образом, армянская школа развивалась самостоятельным путем и имела собственную логику.

Важную роль в деле развития традиций Гладзоро-Татевского университета сыграла Мецопская высшая школа. В период нашествий полчищ Ленг-Тимура и туркменских кочевых племен Кара-Коюнлу и Ак-Коюнлу, опустошивших страну, было уничтожено также огромное количество рукописных книг. Для более или менее полноценной деятельности армянских школ всех типов, и особенно высших, необходимо было за короткий срок восстановить книжный фонд школьных библиотек. Для реализации этой труднейшей задачи требовались не только многочисленные грамотные, но и хорошо образованные в различных областях средневекового знания писцы. Необходимо было также избавить многие рукописи от вкравшихся ошибок, допущенных в ходе переписывания несведущими писцами, искажающих текст, или вследствие поспешности.

В средневековых армянских школах в зависимости от эпохи, от конкретных исторических и политических условий, характера школы и других факторов продолжительность срока обучения была различной. Сроки обучения в общественных школах составляли 2—5 лет, в церковных — 4—5, в монастырских — 4—6, а в школах высшего типа (или университетах) — 7—8. Школьный возраст колебался от 6 до 25 лет. Затем следовал университетский возраст. Люди, посвятившие себя науке, и после окончания учебы совершенствовали свои познания в другом университете или у другого знаменитого

вардапета в индивидуальном порядке с целью углубления в конкретных областях научно-философского знания.

Занятия в школах проводились по группам или классам. Разделение на группы проводилось в соответствии с возрастом и подготовленностью учеников Часто различные группы вели занятия в одном помещении (в основном это касалось элементарных и средних школ) и под руководством одного учителя, обучаясь, при этом, разным предметам[13]. В значительной мере это обстоятельство было обусловлено как численностью учеников и наличием соответствующих учительских кадров, так и материальными возможностями данной школы.

В зависимости от конкретных исторических условий, уровня и назначения школы, а также от степени подготовленности и склонности учителя использовались различные методы и способы обучения и воспитания. К числу общепринятых и достаточно апробированных методов и форм обучения относились: коллективная работа с группой и индивидуальные занятия с учеником, чтение – индивидуальное и коллективное, письмо – отдельно и совместно с группой, одновременное обучение чтению и письму, лекция, беседа – коллективная и частная, самостоятельная работа над книгой, повторы и упражнения, опрос и оценка, историко-описательный, толковательно-объяснительный, демонстративно-иллюстративный и другие методы. Одним из основных и весьма распространенных методов обучения как в начальных, так и в высших школах был метод вопросов и ответов, так как считалось, что где «нет рассуждения», там нет и «совершенного знания»[14].

С целью углубления студентов в конкретных сферах или проблемах научного знания руководители высших (и не только высших) школ часто приглашали ведущих ученых-вардапетов из других школ для чтения курса лекций или преподавания отдельной научно-учебной дисциплины. Так, Григор Татеваци читал лекции по различным дисциплинам в Мецопской, Сагмосаванкской, Ереванской и других высших школах. Глава Мецопской высшей школы Товма Мецопеци пригласил Акопа Крымеци для преподавания курсов по естественнонаучным дисциплинам, и особенно календароведения. Таким способом компенсировалось отсутствие своих «узких» специалистов-преподавателей.

Труды ученых и преподавателей Гладзоро-Татевского университета обобщают и развивают педагогическую мысль предшествующих культурно-исторических эпох. Здесь мы остановимся на некоторых общепедагогических принципах, которые использовались в большинстве высших школ того времени.

Центральной фигурой учебно-образовательного процесса считался глава преподавателей – рабунапет, который пользовался непререкаемым авторитетом среди преподавательского состава и студентов и которого сравнивали с святыми апостолами.

Важнейшим требованием к студентам было необходимость глубокого и всестороннего усвоения преподаваемой научной дисциплины, так как необходимо сперва самому научиться и лишь после этого обучать других. Кроме того, тот, кто мало знает, другому ничего полезного дать не может.

Душу ребенка сравнивали с чистой восковой доской для письма или вымытым пергаментом, который отражает все то, что пишется на нем. Ребенок воспринимает все, чему его учат. На формирование ребенка существен-

нуое воздействие оказывает окружающая социальная среда. Поэтому наставник должен огородить ученика от дурных влияний и привить ему добродетели.

Педагог должен быть терпеливым в работе, чтобы помочь ученику вобрать все необходимое. Подобно тому как земледелец вначале пашет, взрыхляет землю и только потом сеет, точно так же должен поступать педагог: сначала он должен выбрать все необходимое для обучения и воспитания и в доступной форме передать ученику, чтобы можно было взрастить в нем семена познания, так как «в невозделанной земле посеянные семена не взрастут».

Каждый отрок имеет определенные недостатки. Поэтому задача педагога заключается в устранении этих недостатков. Подобно тому как собирают сорняки для лучшего роста растения, точно так же должен поступать и педагог: путем систематических наставлений последовательно искоренять существующие недостатки, дабы ростки познания окрепли самостоятельно.

Каждый человек обладает как природными, так и приобретенными способностями. Педагог имеет дело с приобретенным способностями отроков, и его задача путем продуманной воспитательной работы развить в нем моральные качества.

Педагог в процессе работы должен учитывать возраст и умственные способности ученика. Воспитатель должен побуждать отрока к правильному поведению, но обязательно с учетом его возможностей и способностей. После развития у ученика восприимчивости педагог может приступить к обучению знаний. Кроме того, педагог должен использовать различные подходы: детей следует увещевать страхом, юношей – сладостью познания, а взрослых – мудростью.

Педагог обязан общаться и обучать детей простым и понятным языком, в ходе обучения он должен оперировать живыми и вызывающими интерес примерами, чтобы дети не скучали.

Педагоги и воспитатели должны быть весьма осторожными в своих высказываниях, ибо дети весьма быстро воспринимают каждое сказанное педагогом слово. Вообще, дети усваивают намного легче и быстрее, чем взрослые. Это объясняется четырьмя причинами: 1) у детей органы восприятия подобны воску, поэтому они быстрее усваивают заданное; 2) дети свободны от всякого рода забот; 3) их воля является более покорной; 4) по своему характеру дети намного ближе к добру и добродеяниям, чем взрослые.

Интеллектуальные способности детей также объясняли четырьмя факторами: 1) унаследованным от родителей темпераментом; 2) влиянием окружающей социальной среды; 3) добропорядочным воспитанием; 4) дурным воспитанием.

Родители детей должны наряду с учебой отдать их на обучение какому-либо ремеслу, так как не владеющий ремеслом станет вором и разбойником.

В качестве крайнего метода наказания признавалась необходимость и телесного наказания.

Одной из важных задач, стоящих перед школой, было воспитание подрастающего поколения в духе национальных культурных традиций, гражданской добродетели, патриотизма, что имело первостепенное значение в эпоху военно-политической и социально-экономической нестабильности, отсутствия государственной целостности. Важнейшими формами и способами нрав-

ственного воспитания учеников являлись: личный пример учителя-наставника, назидательные беседы и речи, коллективные и индивидуальные наставления, всяческое поощрение преуспевающего и примерного ученика и порицание отстающего ученика, вплоть до применения телесных наказаний в отношении особо провинившихся учеников и т. д. Образование и воспитание учеников рассматривались в качестве двух сторон единого процесса.

Особое внимание руководители школ обращали также вопросу подбора и назначения учителей и наставников, проявляя осторожность и заботу о будущем подрастающего поколения. Многовековая армянская педагогическая мысль сформулировала ряд принципов и критериев, которым должны были соответствовать преподаватели школ и университетов. Так, преподаватель должен был обладать не только соответствующими своему призванию теоретическими знаниями в той или иной области научного знания, но и богатым жизненным опытом и нравственными добродетелями; он должен был признан в качестве учителя со стороны как научно-преподавательского сообщества, так и родителей учеников и т. д. Кроме того, обладающий авторитетом учитель обладал правом самому, по своему усмотрению выбирать своих учеников. Этот вопрос регулировался целым рядом канонов и постановлений, суть которых сводилась к тому, что учитель-наставник **несет полную ответственность не только за судьбу ученика, но и перед всем народом.** Так, в одном из пуктов «Канонических установлений» армянского католикоса **Константина** отмечается, что «учителя, обучающие грамоте, должны назначаться по свидетельству многих лиц, дабы были они ученые и образованные, сведущие и опытные во всех отношениях, точно так же и ученики, обучающиеся грамоте, должны выбираться самим (учителем) и с большим тщанием и осмотрительностью» (пункт 10)[15]. Таким образом, задача школьного образования заключалась в сочетании образовательного и воспитательного факторов, а также привлечения жизненного опыта.

Тяжелые условия, сложившиеся вследствие иноземного засилья, препятствовали естественному историческому развитию страны, прерывали процесс развития культуры, в частности, школьного дела, учебно-образовательной системы. Поэтому школа и образование развивались в основном в труднодоступных горных районах Армении или в тех областях, которые обладали определенной привилегией или независимостью. Однако и это не всегда гарантировало безопасность. Поэтому часто руководители школ вместе со своими учениками кочевали из одного селения в другое. Кроме того, существовали и специально созданные, так называемые, «передвижные» школы, которые перемещаясь с места на место по стране, распространяли семена просвещения и образования среди широких слоев народа. Были и странствующие учителя, которые открывали «временные» школы (частные и народные) в различных местах с целью обучения элементарным знаниям, чтению, письму, пению и счету. Многие из них были мирянами и не имели духовного сана. Это было своего рода «хождение в народ». Так как не во всех селениях имелись школы и не все дети могли отправиться в известные школы по разным причинам (материальным, семейным и т.д.), то школа в лице преданных делу просвещения народа учителей-наставников шла к нему.

Поэтому не случайно, что в проповеди «О пустынниках», касаясь вопроса об условиях, необходимых для нормального развития школьного дела и обучения, автор писал: «Для учебы необходимы четыре вещи: во-первых, нужно, чтобы учителя были одержимы желанием обучать, к тому же без корысти и тщеславия; во-вторых, горячая любовь [учеников к знанию]; в-

третьих, мир; в-четвертых, места пустынные и тихие»[16]. Помимо расцвета старых и основания новых школ в этот период начинается развитие школьного дела и за пределами самой страны. Учреждаются школы, училища, семинарии и т.д. в густонаселенных армянами городах – Константинополе, Крыму, Тифлисе и др.

Выдающуюся роль в деле организации и развития школьно-образовательного дела и педагогической мысли в Армении этого культурно-исторического периода сыграли крупные мыслители и педагоги **Анания Нарекаци** (нач. X – кон. X в.), **Григор Магистрос** (ок. 990–1058 гг.), **Ованес Саркаваг Имастасер** (1045–1129 гг.), **Нерсес Шнорали** (1098–1173 гг.), **Нерсес Ламбронаци** (1153–1198 гг.), **Мхитар Гош** (ок 1130–1213 гг.), **Вардан Аревелци** (1200–1271 гг.), **Нерсес Мшеци** (ум. в 1284 г.), **Есаи Нчеци** (ок. 1260–1338 гг.), **Ованес Воротнеци** (1315–1386 гг.), **Григор Татевеци** (1346–1409 гг.), **Товма Мецопеци** (1378–1446 гг.), **Аракел Сюнеци** (1355–1425 гг.), **Маттеос Джугаеци** и многие другие, которые в своей научно-литературно-педагогической деятельности не только обобщили завоевания армянской педагогической мысли предшествующего периода, но и подняли ее на качественно новый уровень, обогатив целым рядом интересных и оригинальных идей и положений.

1. *Манандян Я.* О торговле и городах Армении в связи с мировой торговлей древних времен (V в. до н.э. – XV в. н. э.) // Труды. Т. VI. Ер., 1985. С. 153; См. также: *Марр Н.* Ани. Книжная история города и раскопки на месте городища. Л.-М., 1934. С. 35.
2. *Марр Н.* Ани. Книжная история города и раскопки на месте городища. Л.-М., 1934. С. 35.
3. Там же.
4. *Фигуровский Н.А.* Алхимия. БСЭ. Т. II. М., 1950. С. 159.
5. *Брюсов В.* Летопись исторических судеб армянского народа // Брюсов и Армения: в 2-х книгах. Кн. I. Ер., 1988. С. 211.
6. *Алишан Г.* Ованес Саркаваг вардапет. «Базмавеп». Венеция, 1847. С. 216 (на арм. яз.); *Зарбаналян Г.* История древнеармянской литературы. Венеция, 1897. С. 614 (на арм. яз.).
7. Ср.: *Хачикян Л.С.* Крнайский духовно-культурный центр и научная деятельность Ованеса Крнеци // *Ованес Крнеци.* О грамматике. Ер., 1977. С. 36 (на арм. яз.).
8. *Аревшатян С.С.* К истории философских школ средневековой Армении. С. 27.
9. Цит. по: *Аревшатян С.С.* К истории философских школ средневековой Армении. С. 7.
10. *Аревшатян С.С., Матевосян А.С.* Гладзорский университет – центр просвещения средневековой Армении. Ер., 1984. С. 36.
11. *Овсепян Г.* Жизнь Товмы Мецопеци. Вагаршапат, 1914. С. 1–2 (на арм. яз.).
12. *Алпояджян А.* История армянской школы. Ч. 1. Каир, 1946. С. 276 (на арм. яз.); *Овсепян Г.* Хахбакяны или Прошяны в армянской истории. Антилиас, 1969. С. 254 (на арм. яз).
13. *Мовсесян А.Х.* Из истории армянской школы и педагогики. Ер., 1968. С. 67.
14. *Овсепян Г.* Мхитар Саснеци. Вагаршапат, 1889. С. 30 (на арм. яз.).
15. *Киракос Гандзакеци.* История Армении / Пер. с древнеарм., предисл. и комм. Л.А. Ханларян. М., 1976. С. 189.
16. Рукопись Матенадарана, № 573. С. 39 а.

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ЯВЛЕНИЯ СЕМАНТИЧЕСКОЙ ВАЛЕНТНОСТИ

Саргсян А.Г.

Актуальность проблемы изучения явления семантической валентности связана с возросшим интересом к взаимодействию языка и внешнего мира, чувств, эмоций, физических ощущений. Соответственно, появилась необходимость в целостном и системном описании семантики, состава, функций, которые позволяют их категоризировать.

В западноевропейских источниках отмечается, что понятие валентности было введено в 1950-х годах Теньером, однако российские лингвисты отмечают, что впервые оно встречается еще в 1948 году у С.Д. Кацнельсона[1]. В любом случае, решающую роль в формировании теории валентности сыграла именно грамматика зависимостей Люсьена Теньера[2].

В рамках грамматики зависимостей Теньер ставит в основу структурного анализа предложения именно глагол. В качестве подчиненных глаголу слов выделяются «актанты», тогда как «сирконстанты» не связаны с глаголом отношениями валентности. Соответственно, исследуется способность глагола управлять подчиненными единицами. Если количество актантов строго ограничено, то количество сирконстантов может быть любым. Сирконстанты могут содержать информацию о месте, времени, способе действия. Таким образом, Теньера интересует, в первую очередь, способность глагола присоединять прочие единицы как синтаксическое явление.

В 1960-х годах начинают рассматривать вопросы теории валентности, которые не получили должного освещения в грамматике зависимостей: проблема универсального характера валентности, и, соответственно, вопрос о синтаксической специфике валентности в рамках каждого языка, поднимаются вопросы о понятийных, содержательно-семантических и синтаксически-структурных особенностях. Тогда же возникает необходимость в выделении различных уровней валентности. На данном этапе ключевым аспектом исследования являются логическая, семантическая и синтаксическая валентности. Во второй половине

периода разрабатывается понятие прагматической валентности. К данному периоду относится ряд исследований Бринкманна, Эрбена, Адмони, Хокетта, Глинца[3].

В начале 1970-х годах возникает необходимость в выделении различных уровней валентности, которые не являлись бы изоморфными структурами. Таким образом, начинают выделять логическую, семантическую и синтаксическую валентности. Под логической валентностью подразумевается межъязыковое взаимоотношение между содержанием понятий. Семантическая валентность связана со способностью составных частей значения к сочетаемости и совместимости. В свою очередь, синтаксическая валентность связана с различными способами обязательного или факультативного заполнения позиций; данный тип валентности обладает индивидуальными характеристиками в системе каждого языка. Данные уровни не являются идентичными или изоморфными[4].

К периоду 1980-х относятся исследования, связанные с проблемой разграничения аргументов, а также актантов и сирконстантов. Выделяются их различные характеристики. К этому десятилетию относятся труды Гросса, Гройле, Баума, а также первые работы Хельбига[5].

Исследования, опубликованные в 1990-х годах, посвящены преимущественно вопросу прагматической валентности и правомерности употребления понятия валентности в принципе.

Понятие прагматической валентности возникает на стыке соответствующих дисциплин, а именно: теории валентности и коммуникативных и когнитивных теорий. Первой стадией является реализация синтаксической валентности посредством семантической и использование соответствующего семантического падежа для описания семантической валентности, тогда как в качестве второй стадии выступает следующая: выстраивается связь между валентностью и семантическим падежом и коммуникативно-парадигматическими и когнитивными реалиями. Кроме того, данные реалии являются, в сущности, основой для создания самой валентности.

Именно наличие такой взаимосвязи обусловило введение термина прагматической валентности. Несмотря на то, что на данный момент единого определения не существует, можно выделить несколько подходов к его описанию. Само понятие прагматической валентности было введено Ружичкой, который определял следующие условия возникновения прагматической валентности: наличие ситуации, в рамках которой говорящий имеет возможность выбирать определенные факты для реализации в поверхностной структуре при определенных прагматических условиях конкретной коммуникативной ситуации.

С данной проблемой связан также вопрос обязательных или факультативных актантов, однако две проблемы не являются идентичными. Специфика актанта зависит от его синтаксической формы и возможности семантической мотивации. Актант является факультативным, при условии, что он зависит от коммуникативной ситуации. Иными словами, прагматический аспект валентности так же, как и остальные, состоит в тесной связи с прочими аспектами и уровнями. В частности, можно выделить переменное влияние на структуру высказывания синтаксической и прагматической валентностей. С одной стороны, прагматическая валентность открывает поле деятельности для говорящего, определяя условия для формирования высказываний в зависимости от их цели и от коммуникативной ситуации. С другой стороны, синтаксическая регулярность валентности становится более разнообразной за счет прагматических аспектов.

Выделение прагматической валентности как термина позволяет по-новому

взглянуть на многие черты валентности. Ружичка обращается к ней для исследования взаимоотношения между различными уровнями языка и коммуникативно-прагматических связей на уровне внутренних элементов системы[6].

Ряд лингвистов ставили под сомнение вопрос о правомерности употребления термина «прагматическая» валентность, например, Никула, тогда как другие, напротив, отталкивались от него в своих исследованиях[7]. Среди исследователей, придерживающихся второго принципа, необходимо отметить Велке[8]. Таким образом, проблема прагматической валентности рассматривалась уже на последней стадии развития теории валентности.

В процессе развития теории валентности были разработаны различные способы трактовки самого понятия валентности, поскольку данная область исследования лежит на стыке таких дисциплин, как грамматика и лексикология, синтаксис и семантика. Интердисциплинарное положение теории обусловило важность изучения валентности.

В основе проблемы валентности лежит представление об аналогичном феномене в физике. Теньер отмечает: «Глагол можно представить себе в виде своеобразного атома с крючками, который может притягивать к себе большее или меньшее число актантов в зависимости от большего или меньшего количества крючков, которыми он обладает, чтобы удерживать эти актанты при себе. Число таких крючков, имеющихся у глагола, и, следовательно, число актантов, которыми он способен управлять, и составляет сущность того, что мы будем называть валентностью глагола»[9]. Соответствующую параллель проводит также Хербст: «как атомы слова, как правило, употребляются не изолированно, а в сочетании с другими словами в составе более крупных единиц: количество и тип прочих элементов, с которыми может употребляться слово, играет ключевую роль для его грамматических свойств. Как в случае с атомами, способность слов сочетаться с другими таким образом, называется валентностью»[10]. То же свойство лексических единиц отражено в определении валентности, которое дает Хельбиг: «способность глагола принимать определенное количество актантов»[11].

Хельбиг объясняет понятие валентности на примере предложения Alfred sings. Существуют различные точки зрения на вопрос о количестве составляющих в данном предложении: ряд исследователей рассматривают предложение как единое целое, тогда как другие вычленяют в данном предложении два или три элемента. В первом случае предложение выступает как единое целое; во втором случае как элементы выделяются Alfred и sings; третий случай предполагает расщепление предложения не только на соответствующие два элемента, но и отношения между ними. В последнем случае аргументом в пользу выделения новой составляющей становится тот факт, что оба слова являются независимыми языковыми единицами, но предложением они становятся только при появлении взаимоотношений между ними. Такие отношения между словами Теньер называет коннексией. Коннексия выполняет структурообразующую функцию предложения.

Теньер выделяет различные группы глаголов в соответствии со спецификой их валентности:

1. авалентные глаголы (les verbes avalents), которые в принципе не способны принимать актанты. Часто данные глаголы встречаются в безличных предложениях, причем местоимение актантом не считается, поскольку оно взаимодействует с глаголом исключительно в форме третьего лица единственного числа (н-р: it shines);

2. одновалентные глаголы (monovalents) – непереходные: (Alfred is sleeping.);

3. двухвалентные глаголы (divalents), которые принимают два актанта и, соответственно, создают две коннексии. Иными словами, глаголы данной категории называются переходными. Типы взаимоотношения между глаголом и актантами могут носить разный характер:

a. активные глаголы (Alfred hit Otto);
b. пассивные глаголы (Otto was hit by Alfred);
c. возвратные глаголы (Alfred should have helped himself);
d. взаимные глаголы (Alfred and Otto hit each other);

4. трехвалентные глаголы (trivalents), которые способны принять три актанта. К данной группе, помимо других глаголов, относятся глаголы с семантикой «давать» и «говорить».

Понятие валентности получило различное развитие в работах последующих исследователей. С точки зрения синтаксиса, данное понятие тесным образом связано с функцией глагола в предложении. Именно данная перспектива впоследствии повлияла на разработку модели предложения. Данный подход, однако, отличается отсутствием четких критериев валентности, в том числе для разграничения единиц, которые связаны с глаголом валентными связями, и свободных единиц. Глагол обладает рядом потенциально зависимых членов, позиции которых потенциально, а в некоторых случаях обязательно должны быть заполнены. Таким образом, выделяются обязательные и факультативные актанты.

Эрбен вводит понятие «ценности», которая определяет, сколько и каких актантов может располагаться в позициях перед и после глагола. Таким образом, он разрабатывает «основную модель» предложения. С точки зрения Эрбена, в качестве подчиненных глаголу единиц могут выступать не только подлежащее и дополнения, но и обстоятельства и определения[12].

К тому же временному периоду относятся исследования Адмони. Именно он предлагает подразделение актантов на обязательные и факультативные, основываясь при этом на взаимоотношениях «доминирующих» и «зависимых» членов предложения, например подлежащего как «доминирующего» члена и определения как «зависимого»[13].

В советской лингвистике понятие валентности распространяется не только на способность глагола вступать во взаимоотношения с другими словами, но и на взаимоотношения языковых элементов в принципе. Такой подход характерен для исследований Засориной и Беркова[14].

Впоследствии был поднят вопрос о том, является ли валентность специфической чертой глагола или же данное понятие может быть применимо и к другим частям речи. Позже в научный словарь вошли такие понятия, как семантическая, лексическая, морфологическая и фонетическая валентность. Исследования в данной области представлены Степановой[15].

Таким образом, на различных этапах исследования были вычленены новые аспекты теории валентности. Вместе с появлением более глубокого исследования данной проблемы появилась необходимость в новых терминах.

Теория валентности выступает не только самостоятельно, но и составила основу для дальнейших исследований в области генеративной грамматики. Особенности трактовки отдельных аспектов теории, а также самого понятия валентности связаны с различными этапами, а также различными научными традициями. Их изучение необходимо для достоверного анализа явления семантической валентности.

1. *Кацнельсон С.Д.* О грамматической категории. «Вестник ЛГУ», 1948.
2. *Tesnière L.* (1959): Éléments de syntaxe structurale, Paris: Klincksieck.
3. *Brinkmann* (1962): Die deutsche Sprache. Gestalt und Leistung; Erben (1958): Abriß der deutschen Grammatik; Admoni (1960): Der deutsche Sprachbau; Hockett (1959): A Course in Modern Linguistics; Glinz (1961): Die innere Form des Deutschen.
4. *Helbig, G.* (1992): Probleme der Valenz- und Kasustheorie, Tübingen: Niemeyer: 124–125.
5. *Grosse* (1971): Zum Verhältnis von Form und Inhalt bei der Valenz der deutschen Verben; Greule (1982): Valenz und althochdeutschen Syntax; Baum (1976): "Dependenzgrammatik". Tesnieres Modell der Sprachbeschreibung in wissenschaftlicher und kritischer Sicht; Helbig G. (1992): Probleme der Valenz- und Kasustheorie, Tübingen: Niemeyer.
6. *Helbig, G.* Linguistische Theorien der Moderne. Berlin, 2002: 145.
7. *Nikula H. Verbvalenz:* Untersuchungen am Beispiel des deutschen Verbs.mit einer kontrastiven Analyse Deutsch – Schwedisch. Upsala, 1976.
8. *Welke, K.* (1988): Einführung in die Valenz- und Kasustheorie, Leipzig: Enzyklopädie
9. *Теньер Л.* Основы структурного синтаксиса. М., 1988. С. 250.
10. *Herbst, T./M. Klotz* (1998): 'A valency dictionary of English – a project report', in: A. Zettersten (ed.): Symposium on Lexicography VIII, Tübingen: Niemeyer: 65–91.
11. *Helbig, G.* (1992): Probleme der Valenz- und Kasustheorie, Tübingen: Niemeyer: 123.
12. *Erben* (1958): Abriß der deutschen Grammatik.
13. *Admoni* (1960): Der deutsche Sprachbau.
14. *Zassorina, L.N./Berkov, V.P.* (1961): Ponjatie valentnosti c jazyke. In: Vestnik Leningradskogo Universiteta- Serija Istorii, jazyka i literatury 8, Vyp.2:204
15. *Степанова М.Д., Хельбиг Г.* Части речи и теория валентности в современном немецком языке. М., 1978.

ОСОБАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЗОНА: К ПРОБЛЕМЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОНЯТИЯ

Хачатурян Г.Э.

Создание в той или иной форме особых экономических зон является одним из самых эффективных современных макроэкономических инструментов привлечения инвестиций, в том числе иностранных в национальную экономику страны, что служит синергетическим эффектом для ее роста и развития.

В первую очередь, особые экономические зоны создаются для увеличения притока иностранных инвестиций, расширения экспортно-импортных операций, установления более открытых отношений с мировым рынком, развития новых технологий, внедрения инноваций в производство. В отдельных проектах особые экономические зоны формируются для оживления экономики депрессивного региона за счет особого режима ведения бизнеса на его территории.

В 1960–70-е годы, когда в мире преобладали зоны свободной торговли (ЗСТ), Международная конвенция по упрощению и гармонизации таможенных процедур заложила в основу создания этих зон принцип таможенной экстерриториальности. В соответствии с этим принципом, ЗСТ определяется как часть территории страны, в которой любые товары считаются находящимися за пределами таможенной территории и не подлежат обычному таможенному контролю и налогообложению[1].

Согласно этой конвенции, были установлены режимы коммерческой и промышленной зоны. Под коммерческой свободной зоной понимается зона, куда товары допускаются для последующей продажи; их переработка или использование в производстве обычно были запрещены. Промышленная зона подразумевает, что товары, допущенные к ввозу, могут быть подвергнуты разрешенным операциям по переработке.

В 1970–80-е гг. во всем мире, в особенности в развивающихся странах, широкое распространение получили промышленно-производственные зоны – (ППЗ), что отражает общую тенденцию смены ЗСТ на производственно-промышленные путем развития отраслей, специализирующихся на производстве товаров исключительно для внешнего рынка.

Быстрый рост этих зон способствовал резкому увеличению экспорта продукции обрабатывающей промышленности и подъему экономики, в первую очередь, в новых индустриальных странах и других экономик Юго-Восточной Азии, что позволило многим из них стать крупнейшими экспортерами мира.

Такие зоны трактовались как территории, где введением беспошлинного таможенного режима, а также посредством других экономических и административно-правовых мер осуществляется стимулирование внешнеэкономической деятельности и привлечение иностранного капитала и ноу-хау.

Одним из первых государств, которое образовало на своей территории ОЭЗ с целью активизации внешней торговой деятельности путем использо-

вания механизмов снижения таможенных издержек, были США (1934 год)[2]. Из определения Киотской конвенции видно, что свобода обособленной части государственной территории является не абсолютной, а относительной.

Свободной эта территория является лишь в том отношении, что ввезенные в нее товары освобождаются от таможенных пошлин и налога на импорт, которые в соответствии с национальным таможенным законодательством применяются в отношении ввозимых товаров на других территориях этой страны. Это означает, что товары, импортируемые в ЗСТ из-за границы, не декларируются, в то же время местные законы не освобождают товаровладельцев от соблюдения соответствующего экономического правопорядка, а только облегчают его.

До недавних пор в российском законодательстве понятие «особые экономические зоны» идентифицировались с понятием «свободные экономические зоны». Так, в ст. 23 Федерального закона «О государственном регулировании внешнеторговой деятельности», принятом в 1995 году, предусматривалось, что «особый режим хозяйственной, в том числе внешнеторговой, деятельности на территории свободных экономических зон устанавливается федеральным законом о свободных экономических зонах, другими федеральными законами и иными правовыми актами Российской Федерации».

В принятом в декабре 2003 года Федеральном законе «Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности» дается определение свободной экономической зоны, в точности повторяя формулировку, данную в ст. 23 Федерального закона «О государственном регулировании внешнеторговой деятельности»[3].

Согласно ст. 42 Закона, принятого в 2003 г., «особый режим хозяйственной, в том числе внешнеторговой деятельности на территориях свободных экономических зон, устанавливается федеральным законом о свободных экономических зонах».

Такое постоянство в понимании этой категории, по мнению Н.Г. Дорониной, позволяет предположить, что законодатель намеренно связывал понятие «свободная экономическая зона» с кругом отношений, возникающих в рамках внешнеторговой или связанной с ней деятельности[4].

В научной литературе понятию «свободная экономическая зона» давалось более широкое толкование. По определению М.М. Богуславского, «под свободными экономическими зонами в международной практике понимаются обособленные территории государств, на которых для решения конкретных экономических и иных задач создаются особые благоприятные условия для деятельности иностранных предприятий»[5].

Возникает вопрос: «Что же считать «особой экономической зоной» — режим деятельности или территорию, имевшую довольно важное значение, так как законодательные органы испытывали достаточно сильное давление субъектов государства, желающих иметь федеральные законы, касающихся конкретных экономических территорий с особым режимом хозяйственной деятельности.

Согласно Программе экономического развития на среднесрочную перспективу на 2003—2005 годы, принятую распоряжением Правительства Российской Федерации от 15 августа 2003 г. № 1163-р, предполагалось разработать правовые основы для создания в Российской Федерации «образований с осо-

быми экономическими условиями функционирования (особых экономических зон)»[6].

Прежде всего необходимо было выяснить, являются ли свободные экономические зоны, используемые во внешнеэкономической деятельности, и «образования с особыми экономическими условиями функционирования» – особые экономические зоны, одной и той же категорией или все-таки речь идет о двух различных правовых институтах, из которых один используется применительно к инвестиционной, по мнению Н.Г. Дорониной, а другой – к внешнеторговой деятельности.

22 июля 2005 года Президент Российской Федерации подписал Федеральный закон за № 116-ФЗ «Об особых экономических зонах в Российской Федерации», где в ст. 2 дается понятие особой экономической зоны. «Особая экономическая зона – определяемая Правительством Российской Федерации часть территории Российской Федерации, на которой действует особый режим осуществления предпринимательской деятельности». Таким образом, законодательно было закреплено понятие особой экономической зоны.

Итак, в Российской Федерации для обозначения территории с льготным режимом осуществления предпринимательской деятельности законодательное закрепление получил термин «особая экономическая зона». Вместе с тем в экономической литературе и законодательстве других стран можно встретить множество иных подобных наименований: «свободная экономическая зона»; «специальная экономическая зона»; «зона свободного предпринимательства»; «зона совместного предпринимательства»; «зона экономического благоприятствования»; «свободная зона»; «зона свободной торговли»; «свободная таможенная зона»; «зона франко»; «свободный порт»; «порт-франко»; «зона внешней торговли»; «экспортоориентированная свободная зона»; «свободная экспортная зона»; «льготная экспортная зона»; «беспошлинная зона»; «офшорная зона»; «налоговый рай», «зона технико-экономического развития»; «технопарк»; «технополис»; и т.д.[7]

На первый взгляд, все они отражают одно правовое явление. По крайней мере, это справедливо в отношении свободных и особых экономических зон (СЭЗ, ОЭЗ), которые создавались и функционировали в Российской Федерации в разные периоды истории (в начале 1990-х гг. и в настоящее время).

А.Н. Багаутдинов считает, что «смещение акцента со слова «свободные» на «особые» отражает тенденцию усиления контроля государства за внешнеэкономической деятельностью и призвано показать значимость государственного регулирования экономики, в том числе в зонах с особым экономическим статусом» и рассматривает ОЭЗ как разновидность СЭЗ.

Однако Н.Г. Доронина говорит о необходимости проводить различие между ними. СЭЗ, по ее мнению, используются во внешнеторговой деятельности, а ОЭЗ как образования с особыми экономическими условиями функционирования применяются в инвестиционной деятельности[8].

В отечественных и зарубежных источниках отсутствует однозначная трактовка ОЭЗ. Существующие определения охватывают или отдельные виды зон, или дают различные общие трактовки этих производственно-промышленных образований, что нередко осложняет понимание их сущности.

К.А. Семенов дает определение ОЭЗ, понимая их как «географические территории, которым их политические центры предоставляют более льготный по сравнению с общепринятым для данного государства режим хозяйствен-

ной деятельности. Иными словами, они являют собой анклав, где осуществляется выборочное сокращение государственного вмешательства в экономические процессы, т.е. составляют обособленную часть национального экономического пространства, на которой применяется определенная система льгот, не используемая на других территориях данного государства»[9].

Как видим, такое определение ОЭЗ отражает территориальность, анклавность и ограниченность влияния органов государственной власти в хозяйственной деятельности этих экономических формирований.

Рядом исследователей под ОЭЗ понимается «суверенная территория государства (государств), являющаяся составной частью хозяйственного комплекса страны (группы стран), где обеспечивается производство и распределение общественного продукта для достижения определенной и конкретной общенациональной интегрированной, корпоративной цели с использованием специальных механизмов регулирования общественно-экономических отношений производства и распределения, способных к диффузионному расширению ее границ»[10].

Поясняя столь пространное определение, авторы подчеркнули, что ОЭЗ всегда остается под юрисдикцией государства, ее территорией, никогда не пользующейся правом экстерриториальности. ОЭЗ им видится как «искусственно созданное государством «вкрапление» в национальную экономическую среду и экономически значительно отличающееся от нее».

Такое определение ОЭЗ воплотило в себе территориальный суверенитет, экономическую комплексность, распределительные отношения расширенного воспроизводства, цели и специальный механизм регулирования. Последний не раскрывает сущность и содержание механизма управления ОЭЗ. Он предполагает систему преференций национальным и зарубежным инвесторам, соответствующий управленческий набор, где больше рынка и меньше государства и т. д. Но это не конкретизируется в определении ОЭЗ.

Некоторые исследователи определяют ОЭЗ как инструмент селективного сокращения масштабов государственного вмешательства в экономические процессы. Такая формулировка включает широкий спектр различных институциональных явлений, связанных с действием преференциального режима хозяйствования. И ОЭЗ определяется не как географическая территория, а как часть национального экономического пространства, где применяется определенная система льгот и стимулов, не используемых в других его частях.

По мнению И.Ю. Кархова и Д.А. Кунакова, ОЭЗ – это обособленные районы, представляющие часть территории страны с беспошлинным таможенным и торговым режимом, где иностранные фирмы, производящие продукцию главным образом на экспорт, пользуются рядом налоговых и финансовых льгот[11].

В.Г. Игнатов и В.И. Бутов дают следующее определение экономических формирований – «это ограниченные территории, морские и авиационные порты, в которых действуют особые льготные экономические условия для национальных и иностранных предпринимателей, способствующие решению внешнеторговых, общеэкономических, социальных, научно-технических и научно-технологических задач»[12].

В «Большом экономическом словаре» ОЭЗ определяется как ограниченная часть национально-государственной территории, на которой действуют особые льготные экономические условия для иностранных и национальных

предприятий (льготы таможенного, арендного, налогового, визового, трудового режима и т.д.), что создает условия для развития промышленности и инвестирования иностранного капитала[13].

В этом определении не только указывается на особые льготные экономические условия для иностранных и национальных предпринимателей, но и конкретизируются важнейшие льготы, действующие в ОЭЗ. Однако, на наш взгляд, это определение не совсем полно отражает содержание механизма функционирования ОЭЗ.

В современных теоретических работах экономистов и правоведов, посвященных проблемам ОЭЗ, их сущность трактуется более широко: они определяются как инструмент выборочного сокращения масштабов государственного вмешательства в экономические процессы, или как уникальная форма государственно – частного партнерства[14]. Эта формулировка понятия «особая зона» охватывает весь спектр явлений, связанных с действием преференциального режима хозяйствования.

При таком подходе особая зона – это не только и не столько обособленная географическая территория, сколько часть национального экономического пространства, где введена и применяется определенная система льгот и стимулов для бизнеса, не используемая в других его частях[15].

При всем разнообразии ОЭЗ в мире и их теоретических концепций существо данного явления состоит в создании на определенном участке страны экономического оазиса, который имеет: беспошлинный или льготный режим ввоза и вывоза товаров и услуг, налоговые льготы, упрощенные административные процедуры, льготные условия для вложения иностранных инвестиций и тесно связан с мировым рынком.

Таким образом, ОЭЗ можно определить как относительно обособленную часть территории страны, на которой устанавливается особый правовой режим для бизнеса, включающий налоговые, таможенные, административные и гражданско-правовые льготы и гарантии.

В России ОЭЗ – это часть территории Российской Федерации с точно определенной границей и специальным режимом предпринимательской деятельности, устанавливающим более благоприятные, чем обычные, условия осуществления предпринимательской деятельности (отдельных видов предпринимательской деятельности).

Так, М.М. Богуславский отмечает, что «ОЭЗ – неотъемлемая часть государственной территории. Любая ОЭЗ независимо от места ее расположения и цели создания остается неотъемлемой частью государственной территории со всеми вытекающими отсюда последствиями. Суверенитет государства при этом не затрагивается. ОЭЗ – хозяйственное, а не политическое образование»[16].

С.В. Дерягина отмечает, что «ОЭЗ является частью суверенной территории принимающей страны. ОЭЗ находится под национальной юрисдикцией этого государства, которое на этих территориях вводит льготный таможенный, налоговый, валютный, трудовой, арендный режим, кроме этого, на данной территории создаются привлекательные условия для инвестирования иностранного капитала»[17].

По мнению ряда исследователей, вся система предоставляемых льгот должна служить инструментом реализации имеющихся сравнительных преи-

муществ данной территории, а не механизмом компенсации отсутствующих здесь факторов развития[18].

ОЭЗ – это специальная территория государства с особым правовым режимом. Как отмечает Н.Н. Попова, «к особым территориям следует отнести определенные участки местности, для которых законодательством Российской Федерации установлен специальный режим хозяйственной, градостроительной деятельности, природопользования, охраны этих территорий либо деятельности органов государственной власти, органов местного самоуправления, организаций, их должностных лиц, общественных объединений в целях защиты основ конституционного строя, здоровья, прав и законных интересов граждан, обеспечения обороны и безопасности государства. Иными словами, на особых территориях устанавливается отличный от обычного административно-правовой режим»[19].

Режимная концепция ОЭЗ отождествляется с определенными льготами и преференциями для субъектов предпринимательской деятельности.

Таким образом, ОЭЗ, как нам представляется, это часть национального экономического пространства, где для местных и зарубежных предпринимателей создается такая система льгот стимулов, которая на основе новейших технологий позволяет создавать приоритетные отрасли экономики, способные обеспечить производство высококачественной товарной продукции на мировой успешное развитие социально-экономической жизни регионов базирования. При этом деловая жизнь зоны управляется механизмом рыночных отношений в сочетании с частичной регулирующей ролью государства.

Данное определение просто и четко отражает место, условия, цели и механизм управления ОЭЗ, раскрывает сущность и назначения основных, наиболее совершенных типов ОЭЗ, использующих новейшую технологию и выпускающих экспортную продукцию. Такие зоны сочетают и производство, и реализацию готовых изделий. Вырученная валюта становится источником расширенного воспроизводства, увеличения рабочих мест и укрепления экономического потенциала региона, на территории которого функционирует ОЭЗ.

1. Международная конвенция по упрощению и гармонизации таможенных процедур (Киотская конвенция 1973 г.) // Право и экономика, 1995. № 8. С. 127.
2. *Семенов Г.В.* Развитие свободных экономических и оффшорных зон // Российский экономический журнал, 1995. № 11. С. 36.
3. Федеральный закон от 8 декабря 2003 г. № 164–ФЗ «Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности» // Российская газета, 2003. 18 декабря.
4. *Доронина Н.Г.* «Особые экономические зоны» во внешнеэкономической деятельности // Журнал российского права, 2004. № 6. С. 95–105.
5. *Богуславский М.М.* Международное частное право. М., 2005.
6. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 15 августа 2003 г. № 1163-р // Собрание законодательства РФ, 2003. № 34. Ст. 3396.
7. *Лисица В.Н.* Особые экономические зоны в Российской Федерации. Новосибирск, 2010.
8. *Доронина Н.Г.* «Особые экономические зоны» во внешнеэкономической деятельности // Журнал российского права, 2004. № 6. С. 95–105.

9. *Семенов К.А.* Международные экономические отношения. М., 2003.
10. *Данько Т.П., Округ З.М.* Свободные экономические зоны в мировом хозяйстве: учебное пособие. М., 1998.
11. *Кархова И.Ю., Кунаков Д.А.* Особые экономические зоны как инструмент повышения конкурентоспособности и диверсификации национальной экономики // Российский внешнеэкономический вестник, 2007. № 9.
12. *Игнатов В.Г., Бутов В.И.* Свободные экономические зоны. М., 1997.
13. Большой экономический словарь / Под ред. Азрилияна А.Н. М., 2008.
14. *Кархова И.Ю., Кунаков Д.А.* Особые экономические зоны как инструмент повышения конкурентоспособности и диверсификации национальной экономики // Российский внешнеэкономический вестник, 2007. № 9.
15. *Смородинская Н.К., Капустин А.Л.* Свободные экономические зоны: мировой опыт и российские перспективы // Вопросы экономики, 2006. № 12. С. 126—140.
16. *Богуславский М.М.* Международное частное право. М., 2005.
17. *Дерягина С.В.* Правовые аспекты понятия свободная экономическая зона // Государство и право, 2000. № 32.
18. *Смородинская Н.К., Капустин А.Л.* Свободные экономические зоны: мировой опыт и российские перспективы // Вопросы экономики, 2006. № 12. С. 126—140.
19. *Попова Н.Н.* Административно-правовые режимы особых территорий в Российской Федерации: диссертация на соискание ... к.ю.н. М., 2004. С. 24.

ИННОВАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ НАЦИОНАЛЬНОЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ

Герасимов А.В.

Статья посвящена проблеме инновационного развития национальной региональной экономики. Автор подробно рассматривает основные факторы, обеспечивающие величину инновационного потенциала региона, связанные с развитием научно-технического, кадрового, финансово-экономического и информационно-коммуникационного потенциалов. В статье затрагивается ряд проблем, которые препятствуют эффективному использованию инновационного потенциала в экономическом развитии регионов России.

Инновационность регионов во многом определяет их конкурентоспособный потенциал. Исследование величины инновационного потенциала, факторов его развития в регионах Российской Федерации позволит выявить закономерности регионального развития и определить необходимые факторы для проведения полномасштабной модернизации экономики регионов и страны в целом.

Вместе с тем, теоретические и практические вопросы формирования инновационного потенциала, оценки его величины, определения инновационной активности регионов разработаны недостаточно полно. Изучение различных подходов к определению понятия инновационного потенциала региона; факторов, определяющих его величину; показателей, оценивающих его уровень, показывает отсутствие единства в основных определениях инновационного потенциала.

Актуальность данного аспекта определяется и тем, что при разработке стратегических решений региональной политики необходимо располагать показателями, позволяющими оценить инновационный потенциал региона и уровень его использования.

В настоящее время в экономической литературе нет единого толкования понятия «инновационный потенциал». В исследовании М.А. Бендикова и Е.Ю. Хрусталева под инновационным потенциалом (экономики, региона, отрасли, предприятия) понимается организованная совокупность взаимосвязанных условий и ресурсов (материальных, финансовых, кадровых, информационных, интеллектуальных и иных), обеспечивающих, с одной стороны, воспроизводство существующей научно-технической и технологической базы и возможность осуществления инновационной деятельности, а также возможность расширенного воспроизводства национальной инновационной системы и ее инфраструктуры.

Авторы выделяют три группы носителей инновационного потенциала. К первой группе относятся научные организации и предприятия, участвующие в создании новшеств и в их продвижении к потребителю. Ко второй группе относят несущую способность социокультурной среды, предъявляющей спрос на нововведения и обеспечивающей их реализацию. К третьей группе относятся непосредственно сами новшества с их способностью воздействовать на рост общественных благ.

Главными носителями инновационного потенциала, по мнению авторов, являются фундаментальные исследования и наукоемкая промышленность, концентрирующие необходимые ресурсы: научно-технические, технологические, производственные, кадровые, финансовые, организационные[1].

По мнению А. Тарутина, «темпы инновационного обновления общества имеют четко выраженную зависимость от уровня и соотношения определенных, поддающихся качественному и количественному анализу параметров, присущих конкретному обществу. Прежде всего, это – инновационный потенциал, характеризующий предельные, максимальные возможности общества с точки зрения генерации и воплощения инновационных идей». С точки зрения автора, инновационный потенциал зависит от уровня развития науки, производственных возможностей, доступности сырьевых ресурсов, является характеристикой накопленных за прошедшие периоды инновационных возможностей и никогда не реализуется полностью[2].

В.Г. Игнатов и В.И. Бутов инновационный потенциал (государства, региона, отрасли, организации) определяют как совокупность различных видов ресурсов, включая материальные, финансовые, интеллектуальные, научно-технические и иные ресурсы, необходимые для осуществления инновационной деятельности[3].

А. Николаев считает, что всякое инновационное развитие – это не только основной инновационный процесс, но и развитие системы факторов и условий, необходимых для его осуществления, т.е. инновационного потенциала. Процесс инновационного развития автор рассматривает во взаимосвязи двух его главных составляющих: реализации инновационных проектов и развития инновационного потенциала. В качестве основных составляющих инновационного потенциала приняты производственно-технологический, кадровый, научно-технический, финансово-экономический потенциалы.

Инновационный потенциал, по мнению А. Николаева, определяет как бы завершающую часть производственного цикла и его реальные пропускные возможности, что существенно сказывается на конечном результате. Автор говорит о необходимости оценки инновационного потенциала России, ведущих экономических районов, с чем нельзя не согласиться[4].

М.А. Матвеева под инновационным потенциалом понимает «способность рассматриваемого объекта реального сектора обеспечить достаточную степень обновления факторов производства, их комбинаций в технологическом процессе выпускаемого продукта, организационно-управленческих структур и корпоративной культуры»[5].

Ю.О. Бакланова инновационный потенциал региона определяет как «подсистему региональной инновационной системы». В свою очередь, региональная инновационная система рассматривается автором как открытая, динамическая, вероятностная социально-экономическая большая подсистема региона, представляющая собой совокупность связанных и взаимодействующих друг с другом элементов[6].

А.Е. Когут и др. рассматривают инновационный потенциал как меру способности и готовности экономического субъекта осуществлять инновационную деятельность. При этом под способностью понимается наличие и сбалансированность структуры компонентов потенциала, а под готовностью – достаточность уровня развития потенциала для формирования инновационно-активной экономики. Структурно инновационный потенциал авторы предла-

гают рассматривать с точки зрения ресурсного компонента, характеризующего возможность отдельных ресурсов для осуществления инновационной деятельности в регионе.

В качестве компонентов инновационного потенциала используются кадровая, технико-технологическая, финансовая и научная составляющие. Такой подход, на наш взгляд, представляется обоснованным. Кроме того, рассматривается результативный компонент инновационного потенциала, отражающий результат реализации использования ресурсных возможностей. Результативный компонент, по мнению авторов, будет характеризовать достигнутый уровень инновационного потенциала.

Здесь следует отметить, что показатели, рекомендуемые для оценки результативного компонента, будут скорее характеризовать уровень использования инновационного потенциала, а не просто достигнутый уровень инновационного потенциала.

А.В. Барышева и другие инновационный потенциал рассматривают как совокупность ресурсной и результативной составляющих. При этом ресурсный потенциал – это совокупность ресурсов, используемых в определенных социально-экономических формах для производства инновационной продукции, удовлетворяющей общественные потребности. С другой стороны, инновационный потенциал рассматривается как «совокупность инновационных ресурсов, представленных в виде продукции инновационной деятельности производственной сферы, которая, в свою, очередь, является ресурсом нового цикла инновационного процесса»[7].

На наш взгляд, инновационный потенциал необходимо рассматривать с точки зрения ресурсного подхода, а инновационную активность как результативный аспект. Обобщая вышеизложенное, можно констатировать, что инновационный потенциал должен рассматриваться как совокупность определенных ресурсов, или, иначе говоря, элементов, используемых в инновационной деятельности субъекта.

Некоторые авторы считают такой «ресурсный» подход не совсем верным из-за того, что имеющийся инновационный потенциал может быть использован по-разному при различных условиях, что может дать неверную оценку величины инновационного потенциала. На наш взгляд, основная суть при формировании понятия «инновационный потенциал» состоит в определении и взаимоувязке его основных ресурсных составляющих, а также показателей, характеризующих его уровень.

В связи с этим, понятие «инновационный потенциал региона» может рассматриваться как результирующая совокупность научного, кадрового, технического, финансово-экономического, информационно-коммуникационного потенциалов, обеспечивающая инновационную деятельность и определяющая уровень развития экономики региона.

Успех региона в инновационном развитии зависит от эффективности взаимодействия вышеперечисленных составляющих инновационного потенциала. Важнейшей составной частью инновационного потенциала региона является научный потенциал.

Другой, не менее важной составляющей инновационного потенциала региона является кадровый потенциал. Именно кадровый потенциал является основой экономического роста и конкурентоспособности региона.

В условиях инновационного развития первостепенное значение приобретает не просто накопление новых знаний и навыков, а умение их творчески

применять, вырабатывая новые идеи, ноу-хау. В современной экономике, тесно связанной с информационной революцией, решающим фактором стал человеческий капитал, то есть способность превращать информацию в знание. Физический капитал не исчез, но потерял свою доминирующую позицию.

Региональный подход по отношению к научно-исследовательским кадрам и кадровому потенциалу означает, что победу в борьбе за более квалифицированные кадры одерживают регионы, которые обеспечивают более высокое качество жизни, в том числе и более качественное образование.

Финансово-экономический потенциал характеризует наличие и достаточность собственных финансовых ресурсов региона для осуществления инновационной деятельности. И.В. Степанова финансовые ресурсы региона определяет как часть денежных ресурсов, которые образуются в основном на территории региона, аккумулируются в региональных централизованных и децентрализованных фондах и расходуются главным образом на нужды капиталовложений, непроизводственного потребления и социальных выплат населении региона.

Под его финансово-экономическим потенциалом можно понимать часть финансовых ресурсов региона, или финансовые возможности, которыми располагает регион для осуществления инновационной деятельности.

В современном мире высокими темпами развиваются информационные технологии. Поэтому говоря об инновационном потенциале региона нельзя рассматривать его без учета такой важной составляющей как применение новых информационных и коммуникационных технологий (ИКТ).

Внедрение ИКТ способствует экономическому росту в регионах, повышению их конкурентоспособности, созданию благоприятных условий для развития малого и среднего бизнеса, более эффективному государственному и местному самоуправлению. Развитию ИКТ способствуют увеличивающиеся объемы электронной торговли в частных и общественных секторах.

Таким образом, инновационный потенциал представляет собой совокупность научного, кадрового, технического, финансово-экономического и информационно-коммуникационного потенциалов, находящихся в тесной органической связи.

Имеющиеся результаты исследований инновационного развития России и ее регионов свидетельствуют о низкой эффективности использования инновационного потенциала. Инновационное развитие страны и ее регионов тормозят устаревшие основные производственные фонды и технологии, низкий спрос на собственную продукцию, высокий уровень налогов и учетной ставки, отток капитала и высококвалифицированных специалистов за границу и ряд других факторов.

Р.А. Фатхутдинов говорит о том, что в настоящее время США, Япония, Германия и другие развитые страны, передовые компании мира переходят на принципы «новой экономики» – экономики обеспечения всеобщего качества на основе знаний, новых информационных технологий.

Так, в США расходы федерального бюджета на образование с 1980 г. по 2000 г. возросли в два раза, а с 2001 г. по 2015 г. их запланировано увеличить еще на 50%. Расходы США на цели образования в 100 раз выше, чем в России[8].

Как показывают исследования, именно развитие «новой экономики» является условием обеспечения устойчивого и качественного экономического

роста. Как отмечает И. Матеров, во многих странах Запада «новая экономика» обеспечивает до 30% роста ВВП, Россия имеет предпосылки для развития «новой экономики», т.к. располагает определенным потенциалом в области инноваций, подготовленным кадровым потенциалом[9].

В литературе слово «фактор» трактуется как необходимое условие, обеспечивающее выполнение совершающегося процесса или его движущая сила. Говоря о факторах, оказывающих влияние на инновационный потенциал региона, можно дать следующее определение. Факторы, определяющие величину инновационного потенциала региона – это движущие силы, способствующие формированию и росту его инновационного потенциала.

В данной работе факторы, определяющие величину инновационного потенциала региона, рассматриваются применительно к каждой из отдельных составляющих (потенциалов).

Вследствие отсутствия в стране условий для эффективной инновационной деятельности снижается доля инновационно-активных предприятий, устаревают основные производственные фонды, а также стареют научные кадры исследовательских, организаций и профессорско-преподавательский состав вузов. По имеющимся данным, доля России в мировом патентном фонде за последние 10 лет сократилась в 10 раз и составляет около 0,3%, что более, чем в 100 раз меньше доли США и Японии, а изобретательская активность в стране за этот период снизилась в 10 раз.

Как известно, основными факторами мощи США являются эффективная деятельность законодательных органов, сильный научный потенциал, высокий уровень патентования, инновационная активность компаний, интеграция науки, образования и производства, большие инвестиции в НИОКР, эффективная система мотивации труда работников. В США большое внимание уделяется повышению конкурентоспособности высшего образования. Ежегодно на цели высшего образования расходуется около 7% ВВП, тогда как в России – всего 0,5%.

Ж.И. Алферов считает, что если государство не поднимет науку и образование, то Россия никогда не поднимется, а станет не только сырьевым придатком для развитых стран, но и образовательным придатком, т.к. будет готовить кадры не для себя, а для Запада, для зарубежных научных центров и университетов[10].

Как отмечает Р.А. Фатхутдинов, резкое сокращение финансирования науки и ухудшение условий для научно-исследовательской деятельности привели к падению престижа науки в обществе и оттоку кадров. Численность исследователей уменьшилась за последние 10 лет более, чем в 2 раза. При этом доля ученых в средней возрастной группе от 30 до 40 лет сократилась обвально, в результате чего под угрозой оказалась преемственность поколений и сохранность научных школ. Одновременно произошло резкое старение научных кадров. Из-за утечки умов страна ежегодно теряет более 50 млрд. долл.

В связи с вышеизложенным, главные факторы, обеспечивающие величину инновационного потенциала региона, связаны с развитием научно-технического и кадрового потенциала.

К факторам, определяющим величину научного потенциал региона, по нашему мнению, можно отнести следующие: достаточное финансирование научных исследований; государственная поддержка науки инновационной деятельности; достаточный уровень заработной платы научных работников; изобретательская активность; результативность научных исследований.

К факторам, определяющим величину кадрового потенциала региона, относятся: переход к компетентностному образованию; инвестиции в подготовку и переподготовку кадров; многоуровневая система подготовки и переподготовки; кадров в регионе; высокая квалификация кадров; эффективная система мотивации труда работников; достаточный уровень оплаты труда работников; конкурентоспособность ВУЗов.

Технический потенциал региона, по нашему мнению, можно охарактеризовать как совокупность материально-технических средств, с помощью которых осуществляется разработка и выпуск новых видов продукции, внедрение передовой производственной техники и технологии, а также внедрение новых или значительно усовершенствованных методов организации производства и труда.

Основным видом инновационной деятельности является приобретение машин и оборудования, так как без новейшего прогрессивного оборудования невозможно обеспечить конкурентоспособность выпускаемой продукции. По имеющимся данным, обновление основных производственных фондов в стране происходит в 10 раз медленнее норматива. По имеющимся данным, 70% основных производственных фондов в стране находится в эксплуатации более 15 лет. По такому показателю, как ресурсоемкость на единицу отдачи, в целом ряде случаев российская техника уступает лучшим зарубежным образцам в 3—5 раз[11].

И.В. Шевченко, Е.Н. Александрова приводят следующие данные: более 90% продукции машиностроения, выпускаемой в России, неконкурентоспособно по сравнению с иностранными аналогами и лишь 10% созданных передовых производственных технологий в стране относятся к принципиально новым[12].

К факторам, определяющим величину технического потенциала региона, необходимо отнести: повышение уровня автоматизации производства и управления па основе новых информационных технологий; внедрение новой прогрессивной техники; использование новых прогрессивных и ресурсо-сберегающих технологий; совершенствование организации производства и труда; обновление основных производственных фондов; наличие дешевых и доступных ресурсов в регионе.

Величина финансово-экономического потенциала региона зависит, на наш взгляд, от следующих факторов: качественное правовое регулирование инновационной деятельности; налоговые кредиты и налоговые инвестиционные кредиты; инвестиции в инновации; инвестиционная привлекательность предприятий региона; низкие процентные ставки по кредитным ресурсам; уровень интеграции внутри рыночных субъектов региона; высокая эффективность производства в регионе; уровень конкуренции на региональном рынке; доступность кредитов; прямые иностранные инвестиции; стабильность банков; наличие венчурного капитала; конкурентоспособность территории региона.

Отличительной чертой инновационной экономики является не только разработка и выпуск высокотехнологичной продукции, но и эффективное использование информационных и коммуникационных технологий. По оценкам специалистов Всемирного экономического форума, Россия находится на 77 месте среди 104 стран по количеству пользователей Интернета, на 73 месте — по количеству абонентов сотовой связи. При этом основными факторами,

определяющими применение информационных и коммуникационных технологий в регионе, являются: уровень развития интернет-пользователей; уровень обеспечения сотовыми телефонами; уровень обеспечения телефонными линиями; уровень обеспечения персональными компьютерами.

1. *Бендиков М.А., Хрусталев Е.Ю.* Методологические основы исследования механизма инновационного развития в современной экономике // Менеджмент в России и за рубежом, 2007. № 2. С. 3—14.
2. *Тарутин А.* «Узкие места» инновационного процесса // Экономист, 2008. № 10. С. 42—45.
3. *Игнатов В.Г., Бутов В.И.* Регионоведение (экономика и управление). М., 2004.
4. *Николаев А.* Инновационное развитие и инновационная культура // Проблемы теории и практики управления, 2001. № 5. С. 57—63.
5. *Матвеева М.Л.* Механизмы управления инновационной деятельностью в экономических системах // Управление экономическими системами: электронный научный журнал, 2006. № 3.
6. *Бендиков М.А., Хрусталев Е.Ю.* Методологические основы исследования механизма инновационного развития в современной экономике. С. 3—14.
7. *Барышева А.В., Балдин К.В., Голов Р.С., Передеряев И.И.* Инновации: М., 2008.
8. *Фатхутдинов Р.А.* Конкурентоспособность: Россия и мир. 1992—2015. М., 2005.
9 *Барышева А.В., Балдин К.В., Голов Р.С., Передеряев И.И.* Инновации. М., 2008.
10. Четыре вопроса Нобелевскому лауреату. Интервью Ж. Алферова // Проблемы теории и практики управления, 2001. № 2.
11. *Фатхутдинов Р.А.* Конкурентоспособность: Россия и мир. 1992—2015. М., 2005.
12. Четыре вопроса Нобелевскому лауреату. Интервью Ж. Алферова // Проблемы теории и практики управления, 2001. № 2.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ СТРАТЕГИИ ЕС ПО БОРЬБЕ С ТЕРРОРИЗМОМ

Вардазарян С.С.

Стратегия ЕС по борьбе с терроризмом охватывает четыре направления работы в соответствии со стратегическими задачами. Стандартом стратегических задач или лозунгом можно считать борьбу с терроризмом во всем мире, соблюдая права человека; и превратить Европу в более безопасный регион, где граждане живут в условиях свободы, безопасности и правосудия.

Первая стратегическая задача – это предотвращение, то есть предупреждение приобщения лиц к терроризму на основе обращения к ключевым факторам или коренным причинам, которые могут приводить к радикализации и вербовке террористов в Европе и по всему миру. Следует отметить, что терроризм угрожает не только России или США, но не в меньшей степени и Европейскому континенту. Поэтому данные стратегические задачи наиболее понятны по сути и по содержанию европейцам, которые боятся потерять свою безопасность, ценности демократического общества, права и свободу. Европейский союз находится в зоне все большей открытости, в которой внутренние и внешние аспекты безопасности тесно взаимосвязаны. Эта зона все большей взаимосвязанности, допускающая свободные перемещения людей, идей, технологий и ресурсов. Этими условиями и пользуются террористы, преследующие свои преступные цели. В контексте единодушие мирового сообщества должно являться неотъемлемой частью ведения борьбы с терроризмом. Четыре основных области стратегии ЕС в борьбе с терроризмом является, на наш взгляд, не всеобъемлющим ответом международному терроризму. В стратегии сформулирован ряд задач, которые были бы больше продуктивны, если бы выполнялись вместе с США, Россией и другими участниками мирового сообщества. Однако вернемся к стратегии ЕС по борьбе с терроризмом, где сказано, что ЕС должен взять на себя ответственность за участие в обеспечении глобальной безопасности и создании более безопасного мира.

Учитывая, что современная угроза со стороны международного терроризма оказывает влияние и имеет корни во многих частях мира, за пределами ЕС, жизненно важно является сотрудничество со странами Северной Африки, Ближнего Востока и Юго-Восточной Азии. Наконец, работа по разрешению конфликтов и поддержка надлежащего управления и демократии станут важными элементами настоящей стратегии как части диалога и союза между культурами, религиями и цивилизациями с целью устранения мотивационных и структурных факторов, вызывающих радикализацию. Но вернемся к первому пункту стратегии ЕС по борьбе с терроризмом, которая гласит, что для того чтобы предотвратить приобщение к терроризму и остановить появление следующего поколения террористов ЕС согласовал комплексную стратегию и план действий по борьбе с радикализацией и вербовкой террористов. Данная стратегия основывается на противодействии радикализации и приобщению к таким террористическим группам, как Аль-Каида (даже после смерти лидера

Аль-Каиды Усамы бен-Ладена) и другие террористические организации, проповедующие террор[1].

Задача борьбы с радикализацией и вербовкой террористов лежит главным образом на странах ЕС на национальном, региональном и местном уровнях. Тем не менее, работа ЕС в этой области, включая вклад Еврокомиссии, может стать важной основой для координации национальной политики. Чтобы стать участником террора, человек должен сделать конкретные шаги. Способность превращать идеи в действия немаловажным образом усиливается глобализацией: простота перемещения, перевода денежных средств и связи, в том числе и через Интернет, означает большую доступность радикальных идей и подготовки. Для предотвращения данных действий нужно проводить мониторинги, предотвращать доступ к террористической подготовке, создать строгую законодательную базу и т.д.

Распространение определенного экстремистского мировоззрения заставляет людей рассматривать возможность насилия и оправдывание его. В контексте последней волны терроризма, например, главным оказывается пропаганда, которая искажает оценку конфликтов, ибо это – конфликт между Западом и исламом. На наш взгляд, это, конечно же не так. Не следует смешивать религию, преступление, образ жизни, мировоззрение и т.д. Для решения этих проблем нужно постоянно проводить дискуссии с религиозными лидерами национальных меньшинств, проживающих в определенном государстве, а также следить за пропагандой в Интернете и за средствами коммуникаций и обмена информациями. В обществе существуют определен-ные условия, которые могут привести к появлению среды, способствующей радикализации. Среди этих условий налицо слабое и автократическое управление; быстрая, но при этом неуправляемая модернизация; отсутствие политических или экономических перспектив и образовательных возможностей. В самом Евросоюзе эти факторы, как правило, не присутствуют, но они могут быть в отдельных сегментах населения. Среди приоритетов «предотвращения» следующие:

- развитие общих подходов для выявления и решения проблем поведения, в особенности в случаях злоупотребления ресурсами Интернетом;
- решение проблем подстрекательства и вербовки, в частности, в специфических условиях, например, в тюрьмах, местах религиозного обучения или отправления культа, в особенности путем принятия законодательства, определяющего такой ряд поведение как преступление;
- разработка стратегии работы со СМИ и населением для более тщательного разъяснения политики ЕС;
- содействие надлежащей практике, демократии, образованию и экономическому процветанию через программы помощи Евросоюза и странах ЕС;
- установление межкультурного диалога внутри и за пределами Евросоюза;

Следующим компонентом стратегии ЕС по борьбе с терроризмом является «Защита».

Защита является ключевой частью стратегии по борьбе с терроризмом. Члены Евросоюза должны нести основную ответственность за повышение защищенности ключевых объектов, взаимозависимость пограничной безопасности, транспорта и другой трансграничной инфраструктуры. Данные меры требуют эффективных коллективных действий. Там, где существуют

режимы безопасности на уровне ЕС, как, например, безопасность границ и транспорта, ЕС и, в особенности Еврокомиссия, играют важную роль в повышении общеевропейских стандартов. Дальнейшая работа между странами Евросоюза при поддержке европейских институтов заложила необходимые основы, при которой страны ЕС имеют возможность согласовывать свою политику, обмениваться информацией о мерах, выработанных на национальном уровне, отрабатывать соответствующую практику и работать совместно над разработкой новых идей.

Усиление защиты внешних границ будет способствовать непроникновению на территорию ЕС известных или подозреваемых в терроризме лиц. Усовершенствование пограничного контроля путем ввода системы биометрической информации в удостоверение личности и проездные документы будут способствовать незаконному проникновению в страну. На наш взгляд, в оценку риска как части общих усилий по укреплению контроля и наблюдения на внешних границах ЕС должно быть задействовано Европейское пограничное агентство (Фронтекс). Также должна быть использована Шенгенская информационная система, дающая возможность обмениваться и получать информацию.

Другим, немаловажным фактором обеспечения безопасности является работа над повышением стандартов безопасности транспорта. Должны быть усилены защита аэропортов, морских портов и воздушных судов. Такие меры должны быть разработаны и усовершенствованы на основе сочетания конкретных оценок угрозы и уязвимости. Есть также области для совместной работы по повышениею автодорожной и железнодорожной безопасности. Большую роль играет снижение уязвимости жизненноважных объектов инфраструктуры в Европе нападению физическими и электронными средствами. Для этого нужно, договорившись со всеми странами-членами ЕС, создать программу работ, направленных на усовершенствование защиты жизненно важных объектов инфраструктуры во всей Европе. На наш взгляд, в данный пункт должны входить также места скопления людей.

Подытоживая, скажем, что среди ключевых приоритетов «Защиты» следующие:

- усовершенствование защиты паспортов ЕС через введение биометрики;

- создание системы визовой информации (VIS) и Шенгенской информационной системы (SISII);

- развитие через Фортекс эффективного анализа рисков на внешней границе ЕС;

- внедрение согласованных общих стандартов гражданской, воздушной, портовой и морской безопасности;

- согласование европейской политики по программе защиты жизненно важных объектов инфраструктуры[2].

Немаловажным компонентом по борьбе с терроризмом является «Преследование».

В данной сфере нужно совершенствовать и выполнять задачи по противодействию террористической деятельности и преследовать террористов, невзирая на государственные границы. Необходимо воспрепятствовать планированию и совершению терактов, обеспечить уничтожение сетей вербовщиков террористов, ликвидацию финансирования террористов, а также недопущение

к материалам, служащим идеологическим основанием для терактов. Данные мысли-идеи были закреплены Гаагской программой, при поддержке национальных стран ЕС.

На национальном уровне компетентные органы должны обладать необходимыми средствами для сбора и анализа информации, а также организации преследования и проведения расследования в отношении террористов. Установление общего понимания угрозы лежит в основе разработки общей политики реагирования на такую угрозу. Здесь важную роль играет Единый аналитический центр (Центр ситуаций)*.

Как показывает практика, такие средства как европейский ордер на арест являются важным инструментом для организации преследования и проведении расследования в отношении террористов вне зависимости от границ. Сегодня приоритет следует отдать другим практическим мерам реализации на практике принципа взаимного признания решений судебных органов. Здесь основной мерой является европейский ордер на дачу свидетельских показаний, который позволяет государству – члену ЕС получать от любого лица в границах ЕС свидетельские данные для вынесения приговора террористам[3].

Подытоживая эту часть стратегии, скажем, что ключевые приоритеты «Преследования» – это: укрепление национального потенциала для борьбы с терроризмом в свете рекомендаций экспертной оценки национальных антитеррористических мер; эффективное использование Европола и Евросоюза для укрепления сотрудничества между полицейскими и судейскими органами, продолжение практики привлечения оценок угрозы общеевропейским аналитическим центрам к разработке антитеррористических мер; дальнейшее развитие взаимного признания судебных решений, в том числе принятие европейского ордера на предоставление свидетельских показаний; обеспечение повсеместного применения и оценки действующего законодательства, а также ратификации соответствующих международных договоров и конвенций; разработка принципа доступа к информации правоохранительных органов стран-членов ЕС; активный поиск решения проблемы доступа террористов к оружию и взрывчатым веществам – от компонентов самодельной взрывчатки до химических, биологических, радиационных и ядерных материалов; активный поиск решения проблемы финансирования терроризма, включая введения положений принятого законодательства, усилия по предотвращению злоупотреблений в секторе некоммерческих организаций и оценка общей эффективности мер ЕС в этой области.

«Реагирование». Свести уровень риска террористических актов до нуля очень трудно, но нужно бороться для того чтобы минимизировать эту угрозу, а также быть готовым к последствиям совершаемых террактов. Реагирование на происшествие нередко будет похожим, независимо от того, было ли это событие природным, техногенным или технологическим, поэтому системы реагирования, существующие для ликвидации последствий природных катастроф могут также использоваться для снижения уровня воздействия террорис-

* 17 февраля 2004 года министры внутренних дел Германии, Франции, Испании и Италии договорились о создании коллективной системы безопасности четырех стран. Главы МВД предложили правительствам и парламентам своих стран несколько законопроектов, унифицирующих антитеррористические законы в этих государствах, причем образцом подобного законодательства считаются документы, разработанные во Франции и Испании

тического акта на граждан. Меры реагирования на любое из подобных событий должны в полной мере задействовать существующие структуры, включая Механизм защиты гражданского населения, который был создан в ЕС для реагирования на прочие значительные европейские или международные кризисы. В случае происшествий с трансграничными последствиями потребуется быстрый обмен операционными данными, согласованность СМИ и взаимной оперативной поддержки с использованием всех имеющихся средств, включая военные ресурсы. От способности ЕС принимить согласованные и коллективные решения будет зависеть степень эффективности и результативности реагирования. Создание механизма координации в условиях кризиса в ЕС вместе с необходимыми оперативными процедурами позволит обеспечить согласованность мер реагирования ЕС на террористические акты. Члены Евросоюза имеют большой опыт в обеспечении реагирования в чрезвычайной ситуации. Тем не менее, по-прежнему имеется необходимость в наличие в ЕС при поддержке общеевропейских институтов, включая Еврокомиссию, коллективных ресурсов для общего реагирования в случае крайней необходимости, когда ресурсов одной страны ЕС будет недостаточно, и такая чрезвычайная ситуация представляет серьезную угрозу для всего Евросоюза. Для обеспечения такой гарантии необходимо провести оценку и усовершенствовать действующую систему взаимной поддержки – механизм гражданской обороны.

Крайне необходимо вывести общий подход по оценкам рисков, которые могут иметь наиболее серьезные последствия на региональном, общеевропейском и общемировом уровнях. Эти усилия должна дополнить общая база данных ЕС, с перечислением ресурсов и средств для каждого член Евросоюза, который сможет в случае чрезвычайных происшествий оперативно предоставить другим странам ЕС информацию.

Одно из главнейших явлений в реагировании – проявление солидарности, помощь и компенсация пострадавшим от терактов и членам их семей, не только на национальном уровне, но и на уровне Евросоюза. Члены ЕС должны выплачивать соответствующие компенсации пострадавшим. На международном уровне существует необходимость оказания помощи гражданам ЕС в третьих странах, защита и содействие военным и гражданским ресурсам в условиях проведения операций по ликвидации кризисных ситуаций.

Среди ключевых приоритетов «реагирования» должны быть:

- принятие механизмов координации в кризисных ситуациях ЕС и соответствующих им операционных процедур;
- пересмотр законодательства по механизмам гражданской обороны сообщества;
- введение оценки риска как инструмента информирования в процессе создания ресурсов для реагирования на теракт;
- улучшение координации между международными организациями в области управления реагированием на террористические акты и иные катастрофы;
- обмен надлежащей практикой и разработка подходов к оказанию помощи пострадавшим от террористических актов и их семьям[4].

Среди немаловажных факторов по борьбе с терроризмом является многосторонняя борьба с терроризмом. Борьба с терроризмом является, на сегод-

няшний день, одной из главных тем обсуждения разных учреждений и организаций.

Начиная с 2001 года, отмечается существенное увеличения числа постановлений, инициатив и отдельных мероприятий, зафиксированных в письменной форме главным образом с 2002 по 2004 год. Мы бы назвали данные явления посттеррористическим синдромом 11 сентября, но имевшие ряд положительных моментов, один из которых консолидация государств в борьбе с терроризмом. Но все же, обращают на себя внимание существенные различия между разными государствами и организациями.

Во-первых, различия имеются в определении и восприятии проблемы. Евросоюз и НАТО обладают более четким пониманием и восприятием борьбы с терроризмом, чего не скажешь, допустим, об Африканском Союзе или же о Совете Сотрудничества Арабских Государствах Персидского залива (ССАГПЗ), поскольку правительство государств – членов этих организаций имеют разные позиции по отношению к террористической угрозе. При определении терроризма Евросоюз, НАТО, Большая Восьмерка явно или неявно придерживаются примерно одной линии, поскольку терроризм характеризуется ими как совокупность актов насилия с целью устрашения населения или принуждения того или иного правительства или международной организации к каким-либо действиям или бездействию. АС и ССАГПЗ придают значение формулировке терроризма, а также методам борьбы с ним, так как не все государства солидарны друг с другом.

Во-вторых, что является неожиданностью не в меньшей степени, – это количество общих черт и степень взаимодействия государств – членов Евросоюза, Большой Восьмерки, Большой Двадцатки и НАТО явно больше, чем у других организаций.

Впрочем, и в среде организаций с «западной» доминантой существуют значительные различия между отдельными членами. Существенной причиной этого являются различия в правовой традиции и правоприменительной практике. Это относится как к определению состава преступлений, к уголовно-правовым нормам, к мере наказания, к правовым нормам, касающимся иностранных граждан и к порядку выдачи виз, так и к практике экстрадиции и выдворения, а также к защите данных. Кроме того, различаются полномочия полиции, военных, спецслужб и органов уголовного преследования (например, методы прослушивания и ведения допросов, длительность предварительного заключения). Такие исходные условия препятствуют более тесному сотрудничеству государств внутри Евросоюза. Но, в отличие от других органи-заций, в ЕС существуют механизмы и институты, способствующие поэтапному преодолению этих трудностей. В отношениях государств – членов Североатлантического союза также периодически возникают напряженность и разногласия, в частности, по вопросу применения смертельной казни и методов допроса или по вопросу значимости военных средств. Последнее влияет на роль НАТО в борьбе с терроризмом. В случае с Большой Восьмеркой, не говоря уже о Большой Двадцатке, различия заключаются в анализе угроз, а также в расстановке приоритетов проявляется в меньшей степени, потому что данные формулы действуют преимущественно в дипломатической, финансово-политической и экономической плоскости борьбы с терроризмом, где участники в значительной степени способны выработать консенсус.

Внутренние правовые и политические различия организаций за пределами Европы выражены в еще большей степени, на что не в последнюю очередь откладывает отпечаток соперничество (например, ССАПГЗ) и частично двухсторонние конфликты между их членами (например, в рамках Межправительственного Органа по Вопросам Развития (МОВР) государств Северо-Восточной Африки). Это негативным образом сказывается на дееспособности этих форумов и, тем самым, на содержании и реализации антитеррористических мер.

В-третьих, существенно отличаются степень институционализации, объем и глубина соответствующих мероприятий. Всеобъемлющий характер как в плоскости оперативных, так и системных мер имеет деятельность Евросоюза и Большой Восьмерки. НАТО имеет здесь скорее ограниченную роль. АС и МОВР, по крайней мере на бумаге, более амбициозны, чем, скажем, ССАГПЗ, который в силу невысокой степени институционализации занимаются относительно узким кругом задач, касающихся за редким исключением оперативных мер. Этому соответствует и разная степень прозрачности собственной политики.

В-четвертых, становится ясно, что государства-члены, в частности их полицейские, пограничные, таможенные, судебные и финансовые органы, располагают неодинаковыми возможностями и ресурсами, что как в национальном, так и международном масштабе препятствует успешным действиям по борьбе с терроризмом. Ряд государств не способные выполнять свои международные обязанности, в частности, по Резолюции Совета Безопасности ООН 1373. Это напрямую отражается на качестве многостороннего сотрудничества по осуществлению мер, решения по которым приняты. Данный разрыв можно встретить в Большой Восьмерке, АС и МОВР – разрыв между намерениями и фактически имеющимися возможностями по их реализации особенно велик, за исключением ЮАР. В случае ШОС данный разрыв существует между Китаем и Россией с одной стороны и странами Центральной Азии, с другой. Страны – члены ССАГПЗ, на наш взгляд, которые более богаты по своим ресурсам, напротив, не используют имеющиеся у них возможности. Как нам кажется, при реальном желании сотрудничества, государства Персидского залива с точки зрения их инфраструктуры могли бы поднять сотрудничество друг с другом на качественно более высокий уровень. Однако этому мешают внутренние политические разногласия и связанная с этим приоритетность двустороннего сотрудничества.

В-пятых, организации и форумы с разной интенсивностью проводят собственную антитеррористическую политику в рамках ООН, что, на наш взгляд, является недопустимой ошибкой. Но несмотря на различия взглядов и подходов, некоторые восточные государства сотрудничают с западными государствами и организациями, как, например, Катар, Бахрейн, временами – Узбекистан, Россия и т.д.[6]

Наряду с различиями определяются также и общие тенденции, которые могут быть выражены сильнее или слабее применительно к конкретным организациям. В целом они являются довольно показательными в отношении возможностей и пределов многостороннего сотрудничества по борьбе с терроризмом. В основном многосторонние организации и форумы преимущественно служат определению и совершенствованию стандартов и норм по борьбе с терроризмом. В большинстве случаев это осуществляется в форме политичес-

ких заявлений о намерениях, в меньшей степени – посредством юридически обязывающих документов. Существенными исключениями являются здесь, наряду с решениями Совета Европы, антитеррористические конвенции АС (1999) и ШОС (2001). Кроме того, многостороннее сотрудничество предоставляет возможность договориться (хотя бы в минимальной степени) о правилах игры и совместном круге задач.

Существует определенное сходство в отношении форм сотрудничества – почти во всех случаях имеются планы действий по борьбе с терроризмом с различной степенью детализации. Сюда же относятся отшлифованные в той или иной степени программы по созданию и укреплению антитеррористического потенциала в государствах-членах. Это преимущественно относится к Евросоюзу, Большой Восьмерки, АС, МОВР. В рамках НАТО, Евросоюза, АС, ШОС, ССАГПЗ были созданы центры по борьбе с терроризмом, главным образом для обмена информацией и анализа, но их качественный уровень оставляет желать лучшего.

Центр тяжести в смысле содержания этой деятельности у исследованных организаций лежит в плоскости оперативной борьбы с терроризмом. При этом почти везде поднимаются следующие вопросы: обмен информацией и координация, оперативное сотрудничество полицейских, таможенных и судебных органов, улучшение контроля внешних национальных границ, т.е. въезда и выезда, борьба с финансированием терроризма и транснациональной организованной преступностью, а также защита инфраструктуры. При этом, на наш взгляд, пренебрегаются системными мерами по борьбе с терроризмом. В этой связи, разве, что довольно в нечеткой форме, указываются на мероприятия, которые призваны остановить распространение пропаганды, рекрутирование потенциальных исполнителей терактов и радикализацию определенных слоев.

Степень обязательности хотя и различна, но в целом не очень высока. Это видно также на примере того, что собственные решения и их реализация редко подвергаются проверке и вообще какой-либо оценке. В итоге почти не осуществляется контроль над тем, была ли осуществлена та или иная мера и оказались ли они пригодной. Впрочем, в АС и МОВР, да и в некоторых других организациях, существуют соответствующие механизмы в виде отчетов отдельных государств или отчетов о ходе этой работы. Но и эти обязательства используются не всегда[7].

В целом, нынешний итог многосторонней борьбы с терроризмом получается противоречивым. С одной стороны, можно констатировать, что эта тема на декларативном уровне уже прочно закреплена в организациях. Однако, отношение к ней, как показывает сосредоточенность усилий на определенных областях, носит скорее избирательный характер. Это в равной степени относится к сотрудничеству между государствами-членами, которые прежде всего, даже внутри Евросоюза, ориентированы на наименьший общий знаменатель, а не на совместно сформулированное решение задач. Такой результат тесно связан с двумя проблемами, которые характерны в целом для межгосударственного сотрудничества в области борьбы с терроризмом, и которые на многостороннем уровне, как показывают предметные исследования, особенно затрудняют разработку этого чувствительного вопроса. С одной стороны, долгосрочное сотрудничество в области обмена информацией и данными, предполагает доверие и некоторый минимум прозрачности. Даже внутри Евросою-

за и НАТО, вопреки всем заверениям и решениям, традиционно существуют ограничения в отношениях между государствами-членами, прежде всего – национальными органами государственной безопасности и спецслужбами. Не менее важным является положение дел в организациях вне Европы, характеризующееся соперничеством, исторической враждой и изменчивым альянсами.

С другой стороны, реализация и значимость международных соглашений не в последнюю очередь зависит от готовности правительств к сотрудничеству. Тем самым они определяют политической конъюнктурой. Хотя из многостороннего сотрудничества вытекают международно-правовые и политические обязательства, возможности применения санкций в отношении тех стран, которые эти обязательства не соблюдают или соблюдают от случая к случаю, ограничены де-факто. Если, например, какое-либо правительство, вопреки международным соглашениям, отказывается выдавать лиц, подозреваемых в терроризме, блокировать счета, сообщать информацию от спецслужб или предоставлять доказательства вины тех или иных лиц в преступлениях, то это, хотя и не останется без последствий для отношений с государствами партнерами, едва ли повлечет серьезные санкции со стороны ООН или других организаций. В этом смысле у правительств остается достаточная свобода действий, чтобы избежать международного давления и подчинить борьбу с терроризмом другим политическим аспектам. Такая позиция обнаруживается не только внутри ООН, НАТО, но и в других организациях.

Оба аспекта наглядно показывают слабые стороны, присущие институционализированной системе многосторонних отношений в области антитеррористической политики. Поэтому на практике можно наблюдать образование неформальной многосторонности, характеризующийся двух- или трехсторонними отношениями, образно говоря, «коалициями согласных». Мы думаем, что данная форма обеспечивает основанное на доверии сотрудничество лучше, чем сотрудничество десятков государств в одной организации, которые имеют разные взгляды на те или иные явления, даже терроризм. Она наиболее продуктивна также потому, что круг кооперации ряда государств наиболее обозрим, при схожести вызовов. Особенностью данной модели является отсутствие длительных процессов переговоров по тому или иному вопросу и большей сфокусированностью на решение проблемы. Поэтому мы рассматриваем данную формулу наиболее гибкой и целенаправленной, особенно тогда, когда речь идет о конкретных оперативных действиях. Мы считаем, что для борьбы с терроризмом в среднесрочной и долгосрочной перспективах, данная модель наиболее продуктивна. Следует только скрепить сотрудничество государства или ряда государств с международными организациями юридически, а также функционально и финансово.

Вместе с этим, существуют ряд негативных последствий данной формулы, а именно: создание в рамках договоренностей групп, которые параллельно с имеющимися, будут действовать как вновь созданные, подрывающие существующие органы и их решения или препятствующие дальнейшей разработке этого круга вопросов в учрежденных рамках. Это выражение взаимного недоверия и предпочтение избираемых, двух- или трехсторонних форм сотрудничества. Такую установку можно встретить в ССАГПЗ, в АС, в антитеррористических программах, которые уже упоминались, а также предложения о двухстороннем сотрудничестве со стороны Евросоюза и НАТО, пред-

назначенные для определенных государств или групп государств, но не вносящие определенный вклад в усиление региональных организаций. Проблемой такого развития является также то, что с ним сопряжены потеря прозрачности и возможностей контроля. Устоявшиеся организации все-таки предоставляют возможность отслеживать и критиковать решения, оценивать действующих лиц по их высказываниям и настаивать на соблюдении стандартов и норм. В таком ключе это более не действует, поскольку существенные аспекты, прежде всего, оперативной борьбы с терроризмом, рассматриваются преимущественно в плоскости неформальных взаимоотношений, что уж здесь говорить о парламентском и судейском контроле. Для этого мы думаем, что нужно переплести и скоординировать международные организации, региональные и другие организации с государствами, которые займутся решением вопроса борьбы с терроризмом.

1. *EU counter-terrorism strategy*. EU publication # 15359/1/9. Brussels, Belgium. http://register.consilium.europa.eu/pdf/en/09/st15/st15359-re01.en09.pdf

2. *European Security Strategy:* A Secure Europe in a Better World. Brussels, December 12, 2003, http://ue.eu.int/uedocs/cms%20Upload/7836.pdf

3. *EU counter-terrorism strategy*. EU publication # 15359/1/9. Brussels, Belgium. http://register.consilium.europa.eu/pdf/en/09/st15/st15359-re01.en09.pdf

4. *European Security Strategy:* A Secure Europe in a Better World. Brussels, December 12, 2003, http://ue.eu.int/uedocs/cms%20Upload/7836.pdf

5. *Шнекженер У.* Многосторонняя борьба с терроризмом-возможности и пределы, Берлин 2007, С. 99—112

6. *Ролофф Р.* Пределы и возможности эффективной многосторонности, Нью-Йорк 2010. С. 311—325.

7. *Шапиро Дж., Беймэн Д.* Преодоление трансатлантических разногласий в борьбе с терроризмом, Вашингтон, 2006. С. 33—50.

ПРОБЛЕМЫ УНИВЕРСИТЕТСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

ПРОБЛЕМЫ И ПРИОРИТЕТНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ МОДЕРНИЗАЦИИ СИСТЕМЫ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ СТРАН СНГ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ

Аветисян П.С.

К постановке проблемы

Целью настоящего исследования является выявление, изучение и анализ социально-философской и психолого-педагогической сущности и механизмов процесса модернизации образовательных систем на постсоветском пространстве с учетом интеграционных характеристик; создание концептуальной научно-обоснованной системы единого образовательного пространства стран СНГ на базе гуманистической концепции личностно-развивающего обучения; разработка основных направлений совершенствования систем управления образованием и выявление особенностей образовательного права РФ и РА и других стран СНГ в условиях реформирования.

В настоящее время интеграция и взаимодействие между государствами СНГ в области науки, информации и образования не только не ослабевает, но и интенсифицируется, поскольку подкрепляется целым рядом тенденций, нарастающих как на постсоветском пространстве, так и во всем мире. Эти тенденции осмысливаются в большинстве стран мира, с одной стороны, в качестве процессов-симптомов, свидетельствующих об объективности процесса глобализации образования, с другой стороны, в качестве показателя необходимости осуществлять деятельность, направленную на интеграцию в общемировое образовательное пространство[1].

Образовательная сфера – это та основа, которая в развитых странах составляет большой прирост валового национального продукта и, в конечном

счете, обеспечивает поступательное развитие государства. Постсоветские страны, и особенно страны, имеющие ограниченные природные и инвестиционные ресурсы, к числу которых относиться Армения, должны опираться на образование как на источник и самое эффективное средство прогресса, самый мощный инвестиционный ресурс. В системе высшего профессионального образования РФ и РА за последние годы, как и в остальных странах Содружества Независимых Государств, объективные экономические процессы, связанные с развитием рыночных отношений и их активным внедрением в образовательную сферу, стимулируют рост спроса образовательных услуг.

Углубляющиеся процессы глобализации и интернационализации, усиливающаяся конкуренция на рынках всех видов товаров и услуг, научно-технологическое развитие во всех сферах социально-экономической жизни обусловили переход к экономике знаний, основу которой составляет человеческий капитал[2]. Главным источником его развития является формирование эффективной системы образования, при этом особая роль отводится высшему образованию, которое обеспечивает не только передачу, но и воспроизводство знаний, готовит специалистов для всех отраслей социально-экономической жизнедеятельности государства.

Попытки модернизации сферы образования в последние десятилетия осуществляются во всех странах СНГ, целью которых является приведение систем образования этих стран в соответствие с европейской системой, формирование национальной системы квалификации образования и формирование институциональных изменений.

Эффективная модернизация предполагает расширение и усиление роли общественности и ученых-лидеров, достаточное финансирование, создание инновационной образовательной среды и условий для усиления профессионального саморазвития студентов, внедрение форм открытого образования, пересмотра содержания программ, введения новых методик обучения, контроля и самоконтроля.

Проблема модернизации образования в современных условиях является перманентной, исходя из самой природы явлений – быстрая смена парадигм, процессы глобализации, интеграции, технологические прорывы призывают к постоянной смене учебных программ, планов, гибкости и свободы от бюрократических рамок.

Современные процессы в сфере высшего образования привели к коренному пересмотру его сущности, содержания, функций и предназначения в новых условиях. При этом процессы модернизации должны касаться не только характеристик самого образовательного процесса, но и всей системы управления образованием в целом, краеугольным камнем которой должно являться обеспечение качества[3] .

Мы исходим из того, что, поддерживая лучшие традиции отечественного образования, ориентируясь на все передовое, что сложилось в мировой практике, необходимо выявить приоритетные направления модернизации системы образования РА, РФ и других стран СНГ с ориентацией на потребности инновационного развития (постиндустриальной экономики и общества XXI в.)[11]. Чтобы ответить на вызовы мира и соответствовать духу культуры, национальные образовательные системы должны быть реформированы не внешним, случайным образом, диктуемым демографическими и социально-политическими особенностями текущего момента, а сообразно логике самого образова-

тельного процесса, выраженной в его прошлом, настоящем и будущем, учитывать традиции, историю, менталитет каждой страны [1, 4].

Актуальность данного исследования определяется, во-первых, через философское осмысление феномена образования и раскрытие методологических аспектов развития системы образования. Философское осмысление предполагает рассмотрение образования, с одной стороны, как важнейшей составляющей общественного целого, что означает гармоничную взаимосвязь различных сфер общественной жизни со сферой образования, влияние изменений в этих сферах на развитие системы образования. Современный мир меняется с невообразимой скоростью. Отстать от этих изменений означает оказаться вне основной магистрали развития современной цивилизации. Изменения предполагают появление нового, а это означает, что традиционных средств недостаточно. Необходимы модернизация, инновации, поиск нешаблонных творческих решений. В этом аспекте система образования должна не нагружать сознание обучаемого просто информацией, а учить его мыслить, то есть работать с информацией (сравнивать, анализировать, синтезировать, абстрагироваться, обобщать, делать выводы), привить навыки творческой мыслительной деятельности, которые помогут ему легко адаптироваться к быстрым темпам изменений в современном мире[12].

С другой стороны, образование, будучи важнейшим институтом социализации личности и формирования его сознания, в современном мире рассматривается как одно из наиболее мощных орудий воздействия на развитие всего общества, как инструмент решения разнообразных проблем, вставших перед человечеством. С этой точки зрения, модернизация образования должна предполагать формирование личности с синтетичным и толерантным сознанием, способного видеть не только дезорганизующие и разъединяющие процессы многоликого и противоречивого мира, но также его единство и гармонию. Для современных образовательных процессов становится первичным формирование некоей базы исходных ценностей. Глобальные интеграционные процессы предполагают диалог представителей разных культур, наций, конфессий, что возможно только при наличии в какой-то степени общей для них базы ценностей. Это особенно важно для поликультурных, полиэтнических, поликонфессиональных обществ (каковыми являются многие страны СНГ) [5, 6].

Философское осмысление актуальности модернизации образования предполагает также творческое сочетание инноваций с традициями, так как модернизация не исключает, а наоборот, предполагает творческое использование моделей из исторического опыта, а также сочетание узкой специализации с широким кругозором, навыками универсального философского мышления, ибо в современной науке идут как тенденции дифференциации, так и интеграции.

В свете вышеизложенного для РФ и РА, как и для всех стран СНГ, весьма актуальна проблема построения новой системы образования, эффективно сочетающей национальные особенности и традиции в сфере высшего образования с инновациями в процессе ее модернизации[4].

В данном контексте актуальной научной проблемой для всех стран СНГ и, особенно для РА и РФ, является формирование единого образовательного пространства стран СНГ. Система образования в современном обществе призвана не только обеспечить развитие квалификационного и научно-техничес-

кого потенциала, но и решать масштабные проблемы в области культуры, политики и т.д. Изменения, происходящие на международном рынке образовательных услуг, свидетельствуют о том, что интернационализация становится неотъемлемым элементом высшего образования.

К числу основных процессов объективного характера и общемирового масштаба, детерминирующих формирование единого образовательного пространства СНГ, относятся: глобализация образования, интернационализация образования, европеизация образования, информатизация образования. Каждый из этих процессов и все они в системном единстве обусловливают сложный и противоречивый процесс модернизации национальных образовательных систем СНГ и становления единого пространства знания, образования, науки и информации СНГ.

Становление единого образовательного пространства СНГ и развитие национальных образовательных систем государств СНГ отражает все тенденции, детерминированные глобализацией и во многом определяющие развитие национальных систем образования во всем мире. В то же время, несмотря на возможность оптимистических прогнозов, образовательные системы постсоветских государств по целому ряду объективных причин не могут в настоящее время в полной мере достойно ответить на вызовы глобализации. Причем существуют как общие для всех государств СНГ проблемы реализации императива интеграции в единое образовательное пространство, так и единичные для каждой национальной системы. Поэтому развитие систем образования каждого из государств СНГ сегодня представляет собой диалектическое единство и противоречие факторов, как способствующих интеграции в образовательное пространство СНГ, так и препятствующих ему, каждый их которых является следствием проявления единичного и общего в этих образовательных системах по отношению к другим системам или ко всему мировому сообществу[1, 7].

Соответственно, образовательная политика каждого из государств СНГ сегодня представляет собой диалектическое единство и противоречие субъективного (национального) и объективного – процессов глобализации, европеизации, интернационализации, информатизации, детерминирующих реформы. Причем эти объективные процессы, а также уже реально сложившиеся в современном мире контуры глобального бытия объективно диктуют стратегическую линию развития систем образования на всех уровнях их организации и функционирования: региональном, национально-государственном и международном.

Формирование модели интеграции в единое образовательное пространство для каждой из образовательных систем оказывается проблемой выбора, постоянной оценки возможных позитивных результатов и негативных последствий. Результатом этого выбора должно стать построение такой модели, которая, с одной стороны, опиралась бы на свою историю и традиции, сохраняла свою социокультурную уникальность, с другой стороны, реализовывала бы национальные государственные интересы в области образования и адекватно отвечала бы на все вызовы глобального мира. Сегодня такой сбалансированной по всем параметрам модели не существует, это обстоятельство во всех государствах СНГ, с одной стороны, стало причиной признания образования сферой особых интересов государства, сферой продуктивных вложений

бизнеса, с другой стороны, вызвало необходимость реформирования всех национальных систем образования[1].

Процесс интеграции требует определенной стандартизации результатов образовательной деятельности стран СНГ и сближения национальных систем образования, подготовки и аттестации научных и научно-педагогических кадров государств-участников Содружества. Создание единого образовательного пространства стран СНГ даст возможность поиска взаимных путей модернизации, повышения качества образования с учетом советского прошлого (и, как следствие, поможет интеграции их образовательных систем в общемировое образовательное пространство). Это может помочь выдержать конкуренцию на рынке предоставления образовательных услуг и труда; даст возможность обмениваться опытом как среди преподавателей, так и администрации, повышая их квалификацию и т.д.

В этом контексте появляется настоятельная необходимость пересмотреть прежнюю модель непрерывного образования (LLL). Непрерывное образование все еще воспринимается как идея дополнительного обучения в тех случаях, когда основного не хватает. В новой модели образование понимается как незавершенное, позволяющее учитывать индивидуализированный характер образования. Учащиеся становятся мобильными за счет выбора курсов и программ, что дает возможность постоянного обновления компетентностей[8].

Значима также проблема стратегического управления интеграционными процессами. Оно призвано решить две важные проблемы: выбрать наиболее оптимальное направление развития среди многочисленных альтернатив и, соответственно, оказывать эффективное управленческое воздействие на различные стороны интеграционных процессов. Выработка стратегии не предполагает немедленных действий, а лишь определение общих направлений деятельности. Стратегическое управление интеграционными процессами должно учитывать тот факт, что исторически сложившиеся тенденции развития этих процессов могут неожиданно измениться, что потребует соответствующих стратегических изменений в структуре различных звеньев субъектов и объектов управления. Это особенно актуально в условиях политической и экономической нестабильности, в которой находятся страны СНГ.

В рамках данного научного исследования современные интеграционные процессы в сфере образования представляют интерес также на базе гуманистической концепции личностно-развивающего обучения (психологический аспект), что, в свою очередь, является весьма актуальной проблемой в современном обществе[9]. Несмотря на то, что большинство стран СНГ декларируют «принятость» этой новой парадигмы образования, во многих образовательных учреждениях она остается лишь позитивным вектором развертывания работы. Ее углубленная разработка в соответствии с задачами конкретного образовательного учреждения затруднена в связи с тем, что большая часть педагогов, работающих в системе высшего образования, получили профессиональную подготовку и приобрели опыт работы в традиционной «знаниевой» парадигме, и поэтому они испытывают затруднения в осуществлении личностно-развивающего образования. Анализ государственных стандартов и учебных программ по подготовке специалистов в Армении: психологов, журналистов, экономистов и др., и реального состояния преподавания позволяет сделать выводы о значительных расхождениях между образовательной ситуацией в Арме-

нии, сложившейся к началу XXI века, и уровнем отражения в ней личностно-развивающей парадигмы образования[10].

В данном контексте актуальность данной проблемы обусловлена следующей системой противоречий в сфере высшего образования стран СНГ и, в частности, в Армении.

I. На уровне концептуализации образовательной деятельности:

а) между высокой научной и общественной значимостью понимания необходимости реформирования современного образования, в том числе высшего, и фактической недостаточностью знаний о реальных механизмах модернизации образования;

б) между реальным функционированием традиционной парадигмы и необходимостью перехода к личностно-развивающему обучению, основанному на гуманистической концепции развития личности.

II. На уровне личностного и профессионального развития студентов:

а) между возросшими потребностями общества в специалисте, самостоятельной личности, способной к адаптации в быстро меняющихся условиях, и реальным отсутствием условий подготовки в вузе творческой личности;

б) между востребованностью на рынке производственных услуг профессионала, обладающего способностью реализации профессиональных задач и подготовкой специалиста с готовым набором заданных качеств и стереотипных способов решения профессиональных задач;

III. На уровне содержания высшего образования:
Между возросшими к качеству профессиональной подготовки требованиями к специалисту в условиях глобализации и интеграции в мировое образовательное пространство и концептуальной, методологической и ресурсной неготовностью к подготовке таких специалистов.

Процессы модернизации образования предъявляют также требования к коренной перестройке самих систем управления сферой высшего образования, формированию и развитию эффективных систем управления качеством высшего образования. Решение представленных задач будет также способствовать реализации целей Болонского процесса, официальными участниками которой из стран постсоветского пространства являются Россия, Армения, Азербайджан, Грузия, Казахстан, Молдова, Украина. В частности, это касается повышения привлекательности национальных образовательных услуг в Европейском пространстве высшего образования, решения проблем признания национальных квалификаций и документов о высшем образовании на международном уровне, создания национальных систем обеспечения качества высшего образования и т.д.[3]

В новых условиях расширение степени автономности образовательных учреждений ведет к повышению их ответственности за обеспечение качества высшего образования и требует разработки новых механизмов взаимодействия исполнительных органов государства и органов управления вузами, в том числе и по части управления качеством. В данных условиях необходимо разработать эффективные механизмы контроля и повышения мотивации руководителей, академического и административного персонала вузов к обеспечению высокого качества предоставляемых образовательных услуг.

На данном этапе реформирования системы высшего профессионального образования в странах постсоветского пространства отсутствует единая

концепция управления качеством, не достаточно четко разработаны критерии и требования к уровню образовательных услуг, перестройка общей системы управления сферой образования носит незавершенный характер и эти системы постоянно меняются, в зависимости от вновь возникающих условий и проблем, при этом не всегда обеспечиваются последовательность и целесообразность проводимых изменений.

Переход к постиндустриальному, информационному обществу, значительное расширение масштабов межкультурного взаимодействия, в связи с чем особую важность приобретают факторы коммуникабельности и толерантности. Потенциал образования может быть использован для консолидации общества, сохранения единого социокультурного пространства стран СНГ, преодоления этнонациональной напряженности и социальных конфликтов на началах приоритета прав личности, равноправия национальных культур и различных конфессий, ограничения социального неравенства.

Реализация же поставленных целей настоящего исследования предусматривает решение следующих научно-исследовательских задач:

- Проведение социально-философского и психолого-педагогического анализа современных интеграционных процессов, что имеет важное теоретико-прикладное значение, так как включает в себя выявление закономерностей, предпосылок, перспектив, факторов и условий их развития, и позволяет на практике применять научные методы управления этими сложными и противоречивыми процессами;
- Выявление методологических оснований исследования процесса модернизации образовательных систем в современных условиях на постсоветском пространстве;
- Определение и анализ целей и задач стратегического управления современными интеграционными процессами в странах СНГ.
- Изучение становления и развития единого образовательного пространства стран СНГ;
- Определение основ и механизмов взаимовыгодного сотрудничества РА с РФ и другими странами СНГ для создания совместных образовательных учреждений всех уровней образования и научно-исследовательских учреждений и осуществления их деятельности;
- Выявление и раскрытие приоритетных направлений развития национальных образовательных систем СНГ в контексте интеграции;
- Разработка основных методологических положений концепции долгосрочного социально-экономического развития РФ и РА, предусматривающего формирование инновационной экономики, означающей превращение интеллекта, творческого потенциала человека в ведущий фактор экономического роста и национальной конкурентоспособности, наряду со значительным повышением эффективности природных ресурсов и производственного капитала;
- Разработка основных методологических положений и принципов распределения государственных средств и бюджетной политики в сфере финансирования науки и образования;
- Изучение проблемы трансформации роли университетов в формировании инновационной экономики, экономики знаний;
- Сравнительный анализ особенностей образовательной политики РФ и РА и других стран СНГ;

- Анализ современных личностно-ориентированных образовательных теорий по различным направлениям и описание особенностей личностно-развивающего обучения в образовательном процессе для выявления гуманистических смыслотехники и технологии, которые обладают потенциалом развития и саморазвития личности;
- Исследование вузовской и LLL-среды с целью разработки оптимальной модели структуры, реализующей процесс непрерывного образования;
- Исследовать и выработать методологические представления для организации и осуществления программ по непрерывному обучению;
- Изучение существующего законодательного поля в странах-партнерах и разработка предложений по их совершенствованию и сближению.
- Анализ и оценка процессов модернизации и обеспечения качества высшего образования существующих систем управления в сфере высшего образования на постсоветском пространстве;
- Выработка критериев и рекомендаций для оценки качества высшего образования в странах постсоветского пространства с учетом общности и различий сложившихся национальных систем высшего образования;
- Определение институциональной формы взаимодействия университетов и академических институтов исходя из принципов взаимной дополняемости;

Многие из затронутых в статье проблем отражены в научных исследованиях ученых СНГ и зарубежных стран.

Значительный интерес представляют работы последних лет, в которых рассматриваются различные аспекты проблем, положенных в основу данного исследования: глобализации и интеграции образовательного пространства (В.В. Афанасьев, О.Т. Богомолов, П.К. Гречко, И.В. Жуковский, Д.С. Кузьмин, Р.Х. Макуев, А.Ю. Слепухин, Э.М. Брандман, Дж. Олдермен и др.); современных проблем и тенденций в развитии образования в государствах СНГ (В.И. Байденко, В.И. Батюшко, С.К. Бондырева, Г.Н. Гамарник, М.Н. Лазутова, В.А. Мясников, Г.Ю. Нечаева, К.А. Пшенко, Н.А. Селезнева, А.И. Субетто, Н.В. Сюлькова и др.); развития национальных образовательных систем государств СНГ за последние годы, а также проблемам реформирования этих систем образования (под редакцией В.М. Филиппова, В.И. Батюшко, Г.Н. Гамарник, А.И. Галаган, В.Н. Чистохвалова и др.); общемировых тенденций развития образования в контексте глобализации (М.А. Глеков, Е.Г. Леонтьев, Я.М. Нейматов, Н.В. Охлопкова, М.И. Поляков, Ю.В. Попков и др. Концептуальные идеи экзистенциально-гуманистической психологии (К. Роджерсом, А. Маслоу, Г. Оллпортом, В. Франклом, Э. Фроммом, Дж. Бьюдженталем, Б.Г. Ананьевым, М.М. Бахтиным, Н.А. Бердяевым, Л.С. Выготским, А.Н. Леонтьевым, Д.А. Леонтьевым и др.).

Идеи гуманизации образования в рамках личностноразвивающей парадигмы в советской психологии исследовались такими известными российскими психологами, как А.Г. Асмолов, И.В. Абакумова, П.Н. Ермаков, И.Б. Котова, В.А. Петровский, В.А. Сластенин, И.С. Якиманская, В.В. Сериков, Г.К. Селевко и др.

Идея связи личностного и профессионального развития получили отражение в работах Э.Ф. Зеера, В.Ф. Шадрикова, З.И. Рябикиной и др.

Проблемам определения сущности качества высшего образования, вопросам формирования систем его управления, как на национальном, так и на институциональном уровне посвящены труды некоторых армянских авторов (Н. Хачатрян, Ю. Саргсяна, А. Будагяна), российских специалистов (А. Субетто, Н. Селезневой, А. Бермуса, В. Байденко, Н. Варжиной, Н.Щипачевой и других), а также многих зарубежных исследователей (Д. Ван Дамма, Ф. Вейнфелда, Дж. Бренана, Л. Харви, Э. Штойера и других).

Обобщая степень разработанности проблемы в современной отечественной и зарубежной литературе, а также ее перманентный характер, можно сделать вывод, что вопросы и основные направления модернизации систем высшего образования стран СНГ в контексте современных интеграционных процессов недостаточно изучены в социально-философском, психологическом, управленческом аспектах, а внедрение полученных результатов в сферу образования и науки России, Армении и др. стран СНГ способно представлять решение крупной научной проблемы, имеющей важное социально-гуманитарное значение.

Данное научное направление в Российко-Армянском (Славянском) университете разрабатывается как междисциплинарное исследование по фундаментальным проблемам образования в области социально-гумманитарных наук (философия, психология, педагогика, право).

1. *Аветисян П.С.* Формирование единого образовательного пространства СНГ в условиях глобализации (социально-философская концепция): Монография. Ер., 2007.
2. *Геворкян Н.М.* Попытка измерения интеллектуального человеческого капитала на примере стран СНГ // Сборник научных статей Годичной научной конференции РАУ 28 ноября – 2 декабря 2006 г. Ер.: Изд-во РАУ, 2007. С. 116–124.
3. *Галстян В.С* Анализ современных мировых тенденций и путей повышения качества высшего образования // Сб. научных статей годичной научной конференции РАУ (28 ноября – 2 декабря 2006г.). Ер.: Изд-во РАУ, 2007. С. 109–115.
4. *Аветисян П.С* Проблема сочетания традиции и инновации в процессе модернизации в сфере высшего образования в странах постсоветского пространства. К постановке проблемы // «Вестник» РАУ (серия: гуманитарные и общественные науки). Ер., 2011. № 1 (10). С. 100–105.
5. *Галикян Г.Э* Проблема идентичности в образовательной системе постсоветских стран. Четвертая годичная конференция РАУ 2009 // Сборник научных статей. Ер.: Изд-во РАУ, 2010. С. 149–155.
6. *Саркисян О.Г.* Государственно-конфессиональное партнерство и институализация духовного образования в РФ и странах СНГ (обзор конференции). «Вестник» РАУ. № (10) 1 / 20113 /108–110/.
7. *Аветисян П.С.* Единое образовательное пространство СНГ в контексте глобализации // Сб. научных статей. Годичная научная конференция (3–7 декабря 2007 г.). Социально-гуманитарные науки. Ер.: Изд-во РАУ, 2008. С. 5–13.
8. *Галикян Г.Э.* Образовательная система развивающихся стран перед вызовами глобализации. Третья годичная конференция РАУ // Сб. научных статей. Ер.: Изд-во РАУ, 2009. С. 144–153.
9. *Берберян А.С.* Активизация самостоятельной работы студентов на основе экзистенциально-гуманистической концепции личностно-центрированного обуче-

ния в вузе // Российский психологический журнал. Ростов н/Д, 2009, № 4. СС. 139–148.
10. *Берберян А.С.* Развитие личности в парадигме личностно-центрированного обучения в системе высшего образования в Армении. Вектор науки Тольяттинского Государственного Университета. № 2 (2), 2010. С. 23–29.
11. *Арутюнян М.Л.* К вопросу о месте образования в информационном обществе. Четвертая годичная конференция РАУ, 2009 // Сборник научных статей. Ер.: Изд-во РАУ, 2010. С. 156–165.
12. *Оганесян С.Г.* О новом подходе к преподаванию философии в вузах // Мировоззренческое в современной армянской системе. Сб. Ер., 2002. С. 28–42.

ИЗ НАУЧНОЙ ЖИЗНИ УНИВЕРСИТЕТА

- **5–6-го ноября 2011 года в Российско-Армянском (Славянском) университете состоялась международная конференция по теме: «Армянская историография V века», организованная совместно РАУ, кафедрой Истории армянского народа ЕГУ и Оксфордским университетом. Конференция была посвящена литературным и историографическим особенностям сочинений армянских авторов V века.**

Выступили докладчики как из университетов-организаторов, так и специалисты НАН РА и других вузов. Профессор Валентина Калцолари из Женевского университета (она также является президентом Международной ассоциации арменоведов) выступила с докладом «История Армении» Агафангела или История как наследие»; профессор Тео ван Линт из Оксфордского университета сделал доклад об отзвуках историографических сочинений V века в произведениях Григора Магистроса; профессор Питер Коуи (UCLA, США) представил свое мироощущенин об обстоятельствах создания «Жития Маштоца» Корюна.

Профессор Альберт Степанян (ЕГУ) представил доклад «Антропоморфизм графемы и истории: Мовсес Хоренаци»; профессор Бабкен Арутюнян (ЕГУ) представил доклад о хронологии II века в сочинениях Хоренаци; профессор Вазген Сафарян (ЕГУ) сообщил о феномене исконности у М. Хоренаци; профессор Завен Аветисян (Ин-т литературы им. М. Абегяна НАН РА) охарактеризовал героев историографии V века; д. фил.н. Альберт Мушегян рассмотрел проблему времени написания «Истории Армении» Агафангела и проблему автора «Истории». Доклад проф. Азата Егиазаряна (РАУ) был посвящен теме «История Армении» Хоренаци как литературного произведения.

Интересные доклады представили к. ист.н. Ерванд Маркарян (РАУ); д. фил. н. Вано Егиазарян, к. фил. н. Аркменик Никогосян (Ин-т литературы им. М. Абегяна НАН РА).

Доклады сопровождались активным обменом мнений.

Участники конференции – В. Калцолари, П. Коуи, Т. ван Линт и А. Егиазарян – посетили и Нагорный Карабах, где прочли лекции в Арцахском университете, выступив по местному телевидению.

- **11 ноября 2011г. В Российско-Армянском (Славянском) университете при финансовом содействии Государственного комитета по науке Министерства высшего образования и науки Республики Армения состоялась научная конференция по теме «Историко-культурные основы социально-политической модернизации в странах СНГ», посвященная 20-летию независимости Республики Армения. В конференции приняли участие преподаватели, аспиранты, магистранты РАУ и ряд преподавателей из других вузов РА.**

Конференцию открыл вступительным словом Проректор по научной работе РАУ – д.филос. н., к.ф.-м.н., профессор П.С. Аветисян. Отметив основные принципы социально-политической модернизации в современную эпоху, он кратко изложил особенности проявления этого процесса в странах СНГ и, в особенности в Армении. Затем с докладами на пленарном заседании выступили к. и. н., доцент А.П. Енгоян и к.и.н. Л.А. Захарян.

В своем докладе «Идеологические парадигмы переходного периода в Армении» А.П. Енгоян проанализировал существующие в Армении идеологические парадигмы, разъяснил сущность идеальных основ реформирования общества, показал причины формирующие в духовной сфере общества кризисные явления, а также идеологические и политические конфликты. Л.А. Захарян в докладе «Трансформация политической системы современной Армении: проблемы и перспективы» изложила свое представление истории трансформации политической системы в современной Армении, проанализировала возникшие проблемы и препятствия на пути демократизации общества, определила особенности формирования нового политического режима в Армении, выявила причины потери в общественном сознании легитивности и властей и общества.

На секционном заседании были заслушаны ряд докладов преподавателей факультета общественно-политических наук.

В своем докладе «Необходимость смены политических элит и модернизация (пространство СНГ)» заведующий кафедрой политических процессов и технологий кандидат политических наук доцент О.Р. Никогосян предложил сравнивать демократический процесс в Армении не со странами СНГ, а, например, со странами большого Причерноморья, где страны, интегрированные в европейские структуры, могут стать лучшей моделью для сравнения. В заключение своего доклада О. Никогосян представил, что должна обеспечить действующая администрация для эффективной модернизации государственной власти.

А.А. Мартиросян в докладе «Разгул этнополитического насилия в странах постсоветского пространства и крах парадигмы над этнического государства (концепция нелинейного развития политического насилия в странах СНГ)» показал, что международная деятельность по урегулированию политических конфликтов сегодня переживает системный кризис, требующий не только поиска новых подходов и способов воздействия на конфликтные ситуации, но и формирования новых парадигм управления политическими конфликтами. Доклад Б.В. Маиляна «Российско-грузинские отношения и вопрос членства Грузии в СНГ» был посвящен изучению причин и отдельных аспектов неуклонного разрушения и фрагментации постсоветского геополитического пространства, которое тем не менее все еще сохраняет свою былую

значимость благодаря исключительным усилиям России вот уже на протяжении 20 лет. Главная цель исследования – научное осмысление и, следовательно, приведение к единому знаменателю чрезвычайно сложных и болезненных процессов становления новых, равноправных отношений между бывшими союзными республиками – Грузией и Российской Федерацией. В докладе «Политико-экономическая трансформация в РА в постсоветский период» А.Н. Теванян показано как имеющиеся после крушения Советского Союза в Республике Армения процессы сформировали определенную экономическую систему, которая, являясь по форме рыночной, содержит в себе многочисленные элементы плановой экономики. Доклад З.А. Абраамяна «Политическая модернизация в странах СНГ» был посвящен процессу политической модернизации на пространстве СНГ. В нем представлены этапы развития теории политической модернизации. В качестве фактора политической модернизации был рассмотрен процесс проведения выборов с странах СНГ и их влияние на политическую ситуацию. В результате проведенного исследования стало ясно, что политическая модернизация зависит от экономических, культурных, социальных факторов. Для становления и развития настоящего демократического государства в странах СНГ необходимо время и политическая воля.

После представления докладов развернулась оживленная дискуссия, в которой принял активное участие и выступил ректор РАУ, член-корреспондент НАН РА д.э.н. А.Р. Дарбинян.

- **Международная конференция «Армяно-турецкие отношения, их влияние на геополитическое развитие региона и отображение в прессе» прошла в Российко-Армянском (Славянском) университете 25–26 апреля 2011 года. Организатором конференции, которая традиционно была приурочена к трагической дате 24 апреля (Геноцид армян в Османской империи 1915–1923гг.), выступила кафедра практической журналистики Российско-Армянского (Славянского) университета при содействии компании «АрменТел» (бренд Beeline).**

Заведующий кафедрой практической журналистики РАУ, председатель партии «Конституционное право» Айк Бабуханян отметил, что поскольку конференция проводится кафедрой практической журналистики, то в ее рамках будет рассмотрено отображение армяно-турецких отношений в печатных СМИ. Актуальность проблемы заключается в том, что армяно-турецкие отношения находятся далеко не в стагнирующем состоянии. Они динамично развиваются и зачастую даже сложно предугадать ход их развития, особенно с учетом того, что турецкая внешняя политика в последнее время в корне поменяла свою направленность. Как отметил завкафедрой, в рамках конференции будет изучена турецкая внешняя политика, ее новые ориентиры, динамика армяно-турецких отношений, а также способы их представления в прессе обеих стран и степень влияния на общественное мнение.

В конференции приняли участие видные российские политологи и журналисты, в частности, декан факультета политологии Санкт-Петербургского госуниверситета Станислав Еремеев, а также редактор международного выпуска газеты «Комсомольская правда» Татьяна Метюсова.

Были представлены доклады: Авакян М.Э. «Взаимоотношения Армении, Турции и Израиля в свете масонского влияния на проблему признания

Геноцида 1915г.»; Аветисян Р.С. «Турция на пути неоосманизма»; Ачкасов В.А. «Отношения СССР–Турция и начало холодной войны: российские и западные интерпретации»; Бабуханян А.Б. Противоречивые тенденции во внешней политике Армении и Турции и их отображение в прессе»; Гаспарян К.Г. «Стратегическое значение Турции. Трубопровод Баку–Тбилиси–Джейхан как метод блокады Республики Армения»; Гуторов В.А. «Интернет и политика: отражение армяно-турецкого конфликта в системе массовых коммуникаций»; Даниелян А.А. «К вопросу об российско-армяно-турецких отношениях»; Мартиросян А.А. «Позиционирования этноисторических региональных проблем в СМИ в контексте обсуждения армяно-турецких отношений»; Мартиросян Дм.Р. «Новый друг-союзник» России–Турция в зареве исламских революций»; Туманян Т.Г. «Армения–Израиль–Турция: динамика отношений на рубеже веков»; Хачатрян Х.Г. «Проблема армяно-турецкого урегулирования: конфликтологический аспект» и др.

- **27 апреля 2011 года в Российско-Армянском (Славянском) университете прошла научная конференция в форме «круглого стола», посвященная проблемам борьбы с преступностью на постсоветском пространстве. Организаторы конференции: Российско-Армянский (Славянский) университет, Московская государственная юридическая академия им. О.Е. Кутафина, Потсдамский университет Германии.**

Председательствующим выступил Проректор по научной работе МГЮА, д.ю.н., профессор, президент Союза криминалистов и криминологов И.М. Мацкевич. С приветственным словом выступил проректор по научной работе РАУ – д.ф.н., профессор П.С. Аветисян.

В рамках данной конференции с докладами выступили: д.ю.н., профессор, проректор по научной работе МГЮА, президент Союза криминалистов и криминологов И.М. Мацкевич; д.ю.н., профессор, заведующий кафедрой уголовного права МГЮА А.И. Рарог; д.ю.н., профессор, судья Уголовного Апелляционного суда РА С.С. Аветисян; д.ю.н., профессор, заведующий кафедрой уголовного права МГУ им. М.В. Ломоносова В.С. Комиссаров; доктор права, профессор Потсдамского университета Уве Хельман, д.ю.н., профессор кафедры уголовного права МГЮА А.И. Чучаев; д.ю.н., профессор Высшей школы экономики А.Э. Жалинский; д.ю.н., профессор, помощник проректора по научной работе МГЮА Г.А. Есаков; 1-ый заместитель начальника Полиции РА Г.Г. Погосян и др.

В рамках научной конференции были заслушаны следующие доклады: «Преступность в условиях глобализации», «О концепции государственной программы по борьбе с преступностью», «Доктринальная оценка последних изменений УК РФ», «Проблемы разграничения преступного поведения от непреступного в контексте реализации уголовно-правовой политики стран СНГ», «Состояние уголовно-правовой базы борьбы с организованной преступностью», «Коррупционные деликты в уголовном праве Германии», «Задачи полиции РА в борьбе с преступностью», «Проблемы компаративного анализа уголовного законодательства России и Армении», «О состоянии преступности в Армении», «Модернизация законодательства об экономических преступлениях», «Меры уголовно-правового характера в отношении юридических лиц: критическая оценка», «Систематика деликтов, направленных на борьбу с тор-

говлей людьми, в УК ФРГ», «Актуальные проблемы применения уголовных наказаний», «Становление единства уголовно-правового законодательства после воссоединения Германии», «Незаконный оборот оружия».

- **В рамках Евразийского экономического форума молодежи ежегодно проводится цикл круглых столов, посвященный различным актуальным экономическим проблемам современности. Студенты РАУ активно принимают в нем участие, подготавливая различные доклады на представленные темы. Отличившиеся студенты получают возможность принять участие в конференции непосредственно в Екатеринбурге, который является центром Форума. Так и 18 ноября 2011г. состоялась очередная встреча студентов. Темой круглого стола стали: «Проблемы и перспективы развития мировой финансовой системы».**

В рамках «круглого стола» студенты экономического факультета представили свое видение проблем развития мировой финансовой системы. Необходимо отметить, что параллельно цикл круглых столов проходил сразу в нескольких странах, а именно: в Армении, в России (Екатеринбург), в Казахстане и т. д. С докладами выступили студенты I курса магистратуры экономического факультета: Нелли Закарян, Татевик Мурадян, Лилит Симонян, а также студентка IV курса бакалавриата Егине Петросян.

В докладах были затронуты такие актуальные темы, как «Мировая резервная валюта: альтернативы доллару», «Проблемы и перспективы валютного регулирования в условиях финансовой глобализации» и «Денежно-кредитная политика ЕС: проблемы и перспективы». На конференции присутствовали также гости из АГЭУ. Высокую организацию мероприятия, обеспеченную директором данного направления Мариам Восканян, отметили такие уважаемые гости: Армен Дарбинян, Грант Багратян, Эдвард Сандоян, а также Арутюн Месробян.

К сведению авторов

Статьи должны быть в объеме примерно 20–25 тысяч знаков (в пределах 15 страниц, напечатанных в два интервала) и представляться на дискете с двумя экземплярами отпечатанных копий. Статьи на армянском языке должны быть снабжены развернутым резюме(не менее 2 страниц) на русском языке. Ссылки должны быть расположены в конце текста. Авторы ответственны за достоверность приводимых фактов, цитат и ссылок. Позиции авторов не обязательно отражают точку зрения редакции. Рукописи не возвращаются.

Адрес издательства
0051, г. Ереван, ул. Овсепа Эмина, 123
Российско-Армянский (Славянский) университет,
тел/факс: (+374 10) 27-70-52, 26-11-95

Отпечатано в типографии «Пайлун»
0012, г. Ереван, ул. Адонца 14, корп. 7
Эл. сайт: www.payloon.am
Эл. почта: payloon@payloon.am
тел.: (+374 10) 23-08-90
факс: (+374 10) 29-70-90